Р. С. Ф. С. Р. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (Б-ков)

А. ФИШЕР

В РОССИИ И В АНГЛИИ

НАБЛЮДЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО РАБОЧЕГО

(1890—1921 г.г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ □ □ □ □ □ □ □ 1922

Автор настоящей брошюры—один из первых петербургских рабочих социал-демократов. Начало его работы в партии относится приблизительно к 1890 году. Он был тогда членом той организации, которой, главным образом, посвящена книга «От группы Благоева к Союзу борьбы». В историю этой организации он вносит некоторые интересные дополнительные штрихи.

После ареста и ссылки он остается некоторое время на партийной работе в России. Затем уезжает надолго в Англию. Глава о пребывании в Англии посвящена частью описанию участия автора в английском рабочем движении и наблюдениям над бытом английских рабочих; частью же рассказу о связи автора с российским движением за эти годы.

В настоящее время автор живет в Москве; работает в Коминтерне.

Редакция.

В Петербурге.

Родился я в имении князей Куракиных Ярославской губ., Мологского уезда. Родители мои немцы, выписанные князем из Германии. Отец был скотовод и, по тогдашнему времени, ветеринар-практик. Насколько помню, со слов моей матери, они были вывезены из Германии еще до освобождения крестьян. И все время служили у Куракиных: отец—скотоводом, мельником, лесничим, пользуясь среди крестьян большим авторитетом, как ветеринар, а мать, как большая специалистка по куроводству. И потому к ней и к отцу крестьяне приезжали за 20—30 верст. Мать за свои труды получала натурой, а отец также натурой, но только в другом виде. Когда он ездил на базар, крестьяне, встретив его там, считали своей обязанностью угостить за то, что он когда-то помог отелиться Буренушке или Пеструшке. Угощение обыкновенно кончалось тем, что его почти мертвецки пьяного укладывали в сани или в телегу и отпускали с лошадью домой. Они знали, что лошадь отца обязательно привезет его домой. И лошадь привозила его целым и невредимым. Прожил я у отца почти до семилетнего возраста, а потом был взят на воспитание моим крестным, Фрейхштадтским. У крестного детей не было, а у отца моего была их уйма. Крестный, металлист по профессии, также прибыл из Германии, вместе с другими мастерами, с паровозами системы Борзига на постройку Рыб.-Бологовской ж. д. Познакомились они с моим отцом при постройке моста через Волгу.

Когда я попал к крестному, он был начальником депо на станции Медведево, близ ст. Бологое. Он, как мне кажется, был неусидчивым. Одно время он недолго был земледельцем, купил усадьбу, затем продал ее и поступил на ж. д. цеховым мастером, перебравшись для этой цели в Рыбинск. В Рыбинске я окончил курс сельской школы с похвальным листом первого разряда, а затем поступил в трехклассное городское училище в четвертое

отделение. Из отделения в отделение переходил блестяще, с первыми наградами, и окончил училище на 15 году. Но окончить его мне пришлось уже не с первой наградой, а со второй, так как в сочинении по русскому языку я позволил себе употребить вольное выражение, не имеющее, с точки зрения училища, ничего общего с политической благонадежностью.

Крестный мой и его покойница жена воспитывали меня как своего, но при этом не забывали все время внушать мне стремление к самостоятельности, чтобы при всяких обстоятельствах жизни я не попал впросак. Я исполнял все домашние работы: мыл полы, варил обеды, чинил свое белье, штопал носки и, когда начал ходить в школу, то также зарабатывал деньги, давая уроки школьникам-головотяпам. Я должен был напилить и наколоть дров, натаскать их на всю неделю, несмотря на то, что жена крестного, старуха, держала тогда девушку-прислугу. Для того же, чтобы во время каникул мне не изленяться, я работал в конторе по ремонту путей и зданий, за что получал 13 руб. в месяц. За такое отношение ко мне моих воспитателей я им очень благодарен, так как в последующей моей жизни все эти мелочи очень мне пригодились. Кроме этого, я очень благодарен крестному и за то, что он обучал меня ремеслу металлиста. Конечно, я ему помогал и всегда торчал возле него, когда он что-нибудь мастерил. От него я научился лудить самовары, выбивать медную посуду, калить топора и инструменты, когда же он занимался земледелием, то я учился также доить коров, пахать и всякой другой мелочи.

Научившись ремеслу по обработке металла, я так полюбил его, что когда, по окончании городского училища, учитель бухгалтерии предложил мне место конторщика в Цепном пароходстве, по Шексне, то я отказался и поступил в качестве ученика на завод Гольдберга в Петрограде. Мне шел тогда 16-й год.

Завод Гольдберга занимался постройкой типографских и всяких других станков. Нас, учеников, у Гольдберга было до 40, из которых 25 жили в общежитии при заводе, на Черной речке, Выборгской стороны. Кормил он нас плохо, но зато хорошо умел приспосабливать к работам. И мы работали во-всю, так как за хорошее исполнение работы нас переводили на лучшую работу.

Кормили нас так плохо, что по этому поводу бывали даже недоразумения: ходили с жалобой к фабричному инспектору. После нескольких таких жалоб, фабричный инспектор заявил Гольдбергу, что если еще будет жалоба, то он закроет общежитие. И, вот, нас, голубчиков, распустили на вольные квартиры. Назначили крупное жалованье от 10 руб. в месяц и больше, смотря по возрасту и годам учения, а также по количеству работы. Мой заработок был определен в десять рублей. Широко не развернешься. Но опять-таки, благодаря крестному, я был снабжен на год всем необходимым: бельем, обувью и одеждой.

Моя «вольная квартира», на которую я попал, была почти настоящим вертепом. В ней жили рабочие с завода—токарь, молотобоец и молодой литейщик. Мы с литейщиком снимали «угол», а харчевались все вместе, артелью. Я и молодой литейщик в возлияниях Бахусу участия не принимали. Я выдержал там только до первой получки. С этой квартиры я переехал к одному токарю, Паршукову. К нему меня рекомендовал Ив. Ив. Кейзер, который жил у него. Нас, учеников, на этой квартире было четверо. У Паршукова было очень хорошо. Он отличался от других тем, что читал книги и давал их читать, вел беседы с рабочими и учениками, и мне теперь припоминается, что старшие ученики часто ходили к нему беседовать. Паршуков и нам стал давать читать книжки. У него всегда можно было видеть книжки в квартире. Мы брали. Брали всякие, конечно, «дозволенные цензурой». Я помню, долго мы читали чью-то «Географическую хрестоматию», так как в этой книжке об'яснялось происхождение земли по теории Лапласа. Я держал сторону хрестоматии, так как был знаком с элементарной физикой и астрономией.

Познакомился даже с «философией физики», если можно так выразиться, от инспектора городского училища Павла Ивановича (фамилии не помню), который проявлял страсть к физике и преподавал ее нам. Он доказывал на опытах, что звук, теплота и свет суть явления одного и того же источника—движения, энергии. Говорил о принципе сохранения энергии и при этом так увлекался и увлекал нас, что мы всегда сожалели, что урок так быстро прошел. Кроме этого, в училище преподавали еще естественную историю, и теория Дарвина о происхождении видов

перевернула у меня в голове самый порядок учебника: вместо того, чтобы видеть «простейшие и инфузории» в конце, я видел их в начале. И в «котелке» у меня все было благополучно. Но зато у других это столкнулось с библейской историей. Кейзер, например, никак не мог понять, как это может быть «начало из ничего», как можно себе представить пространство, в котором нет границ. Описания разных государств наводили нас на другие мысли. Как-то, однажды, у меня зашел разговор с Кейзером о народном представительстве. Я помню, что я развивал такого рода «конституцию» (с царем или без царя—не помню): каждые десять дворов выбирают десятского, десятские выбирают в волость, волостные в уезд и т. д. Это было еще до чтения какой-либо нелегальщины. Должно быть я был мечтателем, но жизнь толкала нас к вопросам иного рода: рабочее время, заработная плата, прибыль и т. д. С разрешением этих вопросов мне пришлось столкнуться уже впоследствии.

У Паршукова на квартире жил еще швед, столяр. Он занимал комнату напротив нашей; с ним часто беседовал Паршуков. У него весь стол был завален книжками. Мы, конечно, любопытствовали. Книги были все больше шведские, но так как корни шведского языка сходны с немецким языком, то я прочел нечто вроде: «Политическая экономия». Но дальше этого не пошел. Мое открытие я оставил при себе, памятуя школьную выправку—«держать язык за зубами». Во всей нашей квартире тогда чувствовался какой-то особый дух: ни пьянства, ни брани, все чем-то заняты.

Через некоторое время я попал за настоящий токарный станок-самоточку,—высшая цель, к которой стремился каждый из учеников. Мои знания арифметики оказались очень кстати. Я вскоре прослыл ученым. Ко мне ходили пожилые токари подсчитывать резьбу: умение подсчитывать колеса-шестерни для любой резьбы было высшей маркой токаря. Знание это, в некоторой степени, послужило к дальнейшему моему знакомству с революционным движением того времени. Было это в 1887 году.

Подходит ко мне однажды Владимир Кривцов, токарь, недавно окончивший ученье на том же заводе, и спрашивает: стал ли бы я учить двоих арифметике и геометрии, в вознаграждение за что

они будут платить за мою квартиру, при условии, чтобы я перебрался к ним. Конечно, предложение это было мною принято, и я перебрался от Паршукова к ним. Вскоре, почему-то, Паршуков перешел работать к Путилову, и все ученики, жившие у него, перебрались жить к сестре Паршукова, Прасковье. Прасковья Паршукова работала ткачихой на фабрике Чешера.

Одним из моих учеников оказался слесарь Захар Бульвапкер. Начали мы заниматься, но дело шло туго, и геометрия оказалась очень трудной для Бульвапкера, который, большей частью, переводил разговор на вопросы повседневной заводской жизни. Он превосходил меня по социальным вопросам. И мы вскоре забросили математику. Тов. Бульвапкер работал у Струкка, на фабрике наждачных точил. У нас скоро составился кружок из шести человек: Кривцова, Бульвапкера, Гусева, Якова Мовшевича, меня и еще одного токаря. К нам ходил заниматься студент; мы, кажется, звали его просто Михаилом Михайловичем. Читал он что-то по политической экономии, близко подходящее к физиократам, так как уж очень она опиралась на земледелие и т. п. Кроме чтения, интеллигент приносил нам и нелегальную литературу: «Хитрую Механику», «Царь Голод», в рукописи—революционные песни. Нас он просил описывать заводскую жизнь в виде маленьких рассказов для готовящегося рабочего журнала. Я, кажется, что-то написал, но оно никогда не увидело света. Кружок наш просуществовал почти целую зиму, но к весне распался, так как большинство членов передвинулось на другие заводы.

После того, как распался наш кружок, я перебрался на завод Струкка. Токари говорили, что мне в любом заводе дадут 1 р. 30 к., чем у Гольдберга коптеть за 50 к. в день. У Струкка мне положили 1 р. 30 к. Это стало поводом к тому, что мы с Бульвапкером перебрались на дачу. Бульвапкер приносил читать нелегальную литературу: биографии Софьи Перовской, Халтурина, Веры Фигнер, процесс 193-х, 16-ти, речь Михайлова и другие брошюры такого же содержания. Конечно, такая литература действовала на воображение, но, как-то, нас с Бульвапкером она не удовлетворяла, не давая ответов на многие вопросы, возникавшие по поводу заводской жизни. Принес он также Прудона: «Что

такое собственность» или вроде этого и «Ассоциации» Михайлова. Прудон хоть отчасти ответил на вопрос о происхождении собственности, а Михайлов—на вопрос об организациях всякого рода. Больше всего нам понравился Михайлов, так как герои уже отходили на задний план, а выступала организация. Герои хороши, но без организации, их поддерживающей, они—ничто. Бульвапкер, как он мне говорил, уже участвовал в Минской организации, где литература на еврейском языке имела с.-д. подкладку; кроме того, он иногда приносил газеты, если не ошибаюсь, «Русские Ведомости», в которых мы читали о деятельности германской с.-д. и о рабочих союзах. К осени 1888 года Бульвапкер уехал в местечко Мир отбывать воинскую повинность, и с тех пор я потерял всякую связь с ним. Кривцов же как будто отошел, и уже несколько лет спустя я встретил его работающим на заводе папиросных и гильзовых машин Семенова. Он сын крестьянина Псковской губ.

Вскоре я очутился на долгое время без работы. Через сестру Паршукова познакомился с Петром Евграфовым, слесарем с Адмиралтейского порта. Он, поговорив со мной, велел сходить с запиской от него на Кожевенную линию в такой-то день и час. Прихожу туда. Там меня уже ожидал токарь с Балтийского завода, Сергей Фунтиков. Он на меня глаза вытаращил, увидев такого молокососа, каким я был тогда. Но, после нескольких справок о моих способностях и знаниях, успокоился и велел приходить на другой день к шести часам утра к воротам завода. Меня испробовали и приняли, положив 1 руб. 50 коп. в день. Все соседи по работе были положительные, взрослые бородачи. Тут по соседству работал, кроме Фунтикова, Крутов, к которому всегда собиралась куча рабочих. Он всегда или агитировал, или спорил, или что-нибудь об'яснял, вечно был занят. Крутов также посещал «рабочий клуб»—ватерклозет, где имел иногда длинные споры по всевозможным вопросам, и его охотно слушали; старичье иногда ругалось, но молодежь слушала и, помалкивая, наматывала себе на ус. Тут уместно будет упомянуть о той важной роли, какую сыграли эти «рабочие клубы» в деле распространения революционных идей среди русских рабочих. Таковые места всегда старались делать со всеми неудобствами. Чем дольше рабочий там будет сидеть, тем меньше прибавочной стоимости он даст капита-

листу. «Рабочие клубы» служили местом распространения революционных идей и всевозможных дискуссий даже в Англии. Как у нас, так и там прокламации наклеивались в клубах: об'явления о всякого рода собраниях и т. д. Во время последней войны рабочих привлекали к суду за то, что они вывешивали противовоенные плакаты социалистических газет в таких «рабочих клубах» в Англии. В моей последующей деятельности, мне часто приходилось пользоваться «рабочими клубами» для всевозможных целей, и наверное все рабочие, так или иначе, ими пользовались.

Сергей Фунтиков был очень прямой человек; в нем не было той городской полировки, которая имелась у нас, от него дышало деревней как в разговоре, так и в его образе мышления. Он выражался иногда так запутанно, что с трудом можно было угадать его основную мысль, но во всех остальных отношениях это был человек верный, на которого можно было положиться. Помню, как в одно прекрасное утро, выйдя на работу, я увидел, что Фунтиков и Крутов стоят с отпусками в руках и уговаривают близких им товарищей итти на похороны. Спрашиваю: кого?—«Писателя Шелгунова»,—отвечают. О Шелгунове я в то время еще ничего не слышал и никаких его трудов не читал. Иду брать отпуск, но уже не получаю, и потому остаюсь. На другой день узнаю подробности о похоронах от бывших там. Описывать, со слов очевидцев, похороны не стоит, но стоит упомянуть тот факт, что С. Фунтиков нес венок от петербургских рабочих. С того времени я начал читать Шелгунова, и у меня сложилось определенное понятие о пролетариате и его борьбе на Западе. Понятие же о том, что «дело освобождения рабочих есть делю самих рабочих», у меня выработалось только впоследствии.

Работая впервые на Балтийском заводе, я также познакомился с Владимиром Фоминым, архангелогородцем, к которому я ходил на квартиру в Гавань. К нему в кружок не ходил, хотя и знал о его существовании. Довольствовался тем, что брал у него книги и «Русские Ведомости», прочитывал и, приходя за новым запасом, беседовал с Фоминым о прочитанном. Особенно много мы беседовали по вопросам западно-европейского рабочего движения и уже в то время считали себя соц.-демократами, хотя учение с.-д. для нас было еще в тумане. Это было в 1891 году. Товарища

Фомина в это время я знал еще мало и встречаться с ним потом, по делам кружков, приходилось не часто. Я вскоре перебрался на завод Яковлева, что на Петербургской стороне, на Большой Спасской. Когда я проработал некоторое время на заводе Яковлева, Фомин определил меня в кружок, который собирался на Васильевском острове, на квартире Петра Кайзо, на 15-й линии. В этот кружок входили, кроме Кайзо и меня, Иван Егоров—молодой геркулес, 16—17 лет, и еще кто-то. К нам ходил читать интеллигент. Он преподавал или, лучше сказать, читал брошюру Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Брошюра эта только что вышла из печати, как «дозволенная цензурой». Этот кружок я вскоре оставил. Но у меня самого вскоре наладился кружок.

Кружок этот образовался таким образом. К Яковлеву на завод поступил работать токарь Ив. Форсов, костромич. Он поселился вместе со мной. Мы стали нащупывать один другого и оба держались настороже. Как-то раз приходит к нему в гости ни больше, ни меньше как Петр Евграфов. Тут, конечно, все об'ясняется. Оказывается, что Форсов приехал из Костромы к Н. Богданову с письмом от Буянова, рабочего из Петербурга. Мы с ним стали приискивать получше квартиру. Нашли ее у старика-немца, токаря, работавшего на том же заводе. Этот старик многое рассказывал мне о Германии, о с.-д. и о рабочем движении там. Старик-немец вскоре умер, и мы остались жить у вдовы-немки. Стали формировать кружок. Я отыскал Кейзера, он поступил к нам. Владимир Князев жил недалеко, а с ним пришел его неизменный друг Александр Ильин. Иван Яковлев перебрался к нам с Балтийского завода, да еще один слесарь с нашего завода. Заходил также и Ив. Егоров, который поступил к нам на работу.

Кружок сформировался к лету окончательно. В наш кружок интеллигент не ходил и, если сказать по правде, то Ив. Егоров был нашим наставником. Он уже к тому времени обладал хорошей эрудицией и мог говорить. Я помню,—одно время он увлек нас тем, чтобы мы старались развивать наши мысли по определенному плану и логически. Он старался выражаться на подобие Писарева и Добролюбова: просто, логично и убедительно. Это был недюжинный парень. Я слышал однажды, как он говорил на собрании-

вечеринке, устроенной в квартире Егора Афанасьева. Егоров заваливал нас Писаревым и Добролюбовым, как публицистами и популяризаторами, а также снабдил брошюрами Фердинанда Лассаля: «Програма работников», «Гласный ответ», «Что такое конституция?» и «Что дальше». Материал богатый для определения, что такое рабочее движение. Мы, кроме того, ходили на Александровский рынок к букинистам, где покупали разные старые журналы: «Современник», «Дело», «Русское Богатство» и другие. Я должен упомянуть, что, пока мы все это проделывали, я познакомился через Форсова с Н. Богдановым, работавшим в то время на Карточной фабрике. Жил же он в селе Александровском.

Был я у него только раз. С ним вместе жил Филимонов. Квартира или лучше комната его была полна книг, расставленных по полкам и шкафам. Богданов был внушительного вида и скорее походил на интеллигента, чем на рабочего. Насколько мне помнится, наш разговор с ним был такого рода: он развивал, а мы слушали. Он развивал свою идею пропаганды геометрической прогрессией: если каждый спропагандированный рабочий в течение года сумеет спропагандировать одного, то, таким образом, наша партия, через несколько десятков лет, станет огромной по своей численности, и мы сумеем добиться наших прав. На меня подобная аргументация произвела впечатление. В этот период мы только заботились, чтобы нашего полку прибыло, но не столько количественно, как качественно. В этот период, да и вообще во все время работы моей в Петербурге, эта тактика была применяема и считалась самой подходящей. Нам нужна была почва для того, чтобы сеять. Осенью этого года Богданов и Филимонов были арестованы. И, несмотря на их арест, дело шло своим обычным чередом.

Вскоре после этого, я познакомился с Егором Афанасьевым, кузнецом, работавшим в экспедиции заготовления государственных бумаг, а через него и с Наталией Григорьевой, швеей по профессии.

На маевке 1891 года я не участвовал, но зато присутствовал на вечеринке, устроенной на квартире Ег. Афанасьева (Климанова). На этом собрании присутствовали почти все организован-

ные рабочие и работницы. Тут я впервые познакомился с В. А. Шелгуновым, пришедшим на собрание в солдатской форме. Собрание прошло очень весело. Говорили на нем Егор Афанасьев и еще кто-то. Речи были все подбадривающего характера, звавшие рабочих на дальнейшую борьбу с капитализмом. Лучше всего нам показалась речь Ив. Егорова: он был олицетворением мощности рабочей партии. Расходясь с этой вечеринки, мы чувствовали, что хотя нас еще и немного, но энтузиазм, с которым мы возьмемся за продолжение нашего дела, сделает то, что нас скоро будет много.

После этого круг моих знакомых расширился. К нам на квартиру, у немки, стал собираться цвет рабочего движения того времени. Старики говорили, что мы очень часто попусту друг к другу ходим. Мы признавали, что в этом есть опасность; но молодежь поневоле льнула к молодежи. Кроме нашего личного самообразования, мы не чужды были и обывательской стороны жизни: устраивали танцы, поездки на лодках на взморье, на Лахту, на острова. Этому обстоятельству помогала лодка, владельцем которой был я, и весь наш кружок летом целой гурьбой с веслами, рулем, флагом, закусками, гармоникой и гитарой отправлялся кататься на острова.

Зимой я, Кейзер, Князев делали набеги на букинистов, перерывали их склады. Нас знали и пускали одних в верхние этажи, мы этим пользовались и делали у них целые выемки из журналов «Современника» и «Дела». Мы все перечитывали, брошюровали и пускали в оборот. Обменивались также книжками из других районов, а главное, на наших собраниях мы больше всего обменивались мыслями и старались говорить логично и складно. Зимние наши собрания были большей частью обставлены прилично с внешней стороны. Всегда имелась наготове бутылка зелена-вина, закуска и все прочее. Так как все обходилось тихо, то наша хозяйка ничего не имела против таких собраний, может быть она догадывалась, но ничего не говорила, хотя и не стоило труда донести на нас «околотку», жившему в другой квартире. Она к нам очень привыкла, и мы даже имели свои ключи от квартиры и приходили домой без ее ведома. К дворнику мы относились очень предупредительно: если мы приходили домой поздно и он дежурил

у ворот, то угощали его водкой из полубутылки и колбасой из кармана. Таким образом, дело шло без всяких подозрений.

Решено было отпраздновать 1-е мая 1892 года. Место было выбрано в лесу за Московской заставой. Были приняты большие предосторожности. Представители районов и кружков ходили осматривать местность с тем, чтобы они могли провести туда всех своих товарищей. Решено было итти разными путями. Расставлены были пикеты и дан пароль. Собрались на условленное место. Вдруг перед началом речей прошел слух, что пробрался шпик: должно быть кто-то привел. Так что до произнесения речей дело не дошло, а речи кем-то были собраны и унесены; они, кажется, не были отпечатаны. Была ли интеллигенция, не знаю. Я и мой кружок решили итти обратно другим путем через Невскую заставу, мимо цементных заводов. По дороге мы ловили карасей, зашли к Фунтикову и стали варить, но поднялся такой аромат, что пришлось выкинуть в помойную яму.

Вернулись домой благополучно. Среди нашего кружка, за Невской заставой и в других местах, кроме Васильевского острова, арестов не было. Арестованы были через несколько дней Фомин, Ив. Егоров, Петр Кайзо и еще кто-то. Почему-то жандармерия отнеслась к ним очень сурово.

Больше году просидели они в Предварилке и Крестах и только к Духову дню 1893 г. были выпущены на поруки, а затем отправлены в ссылку под надзор полиции. Я Егорова не видел, так как в это время был в отъезде, в Нарве. В Нарве в это время жила Наталья Григорьева. На Кренгольмской мануфактуре работал ткачем Федор Афанасьев, а я туда был вызван, как тяжелая артиллерия. Но об этом после.

Как я уже говорил, с Наташей Григорьевой я познакомился через Егора Климанова. Она представляла рабочих Выборгской стороны. Сколько там было кружков—не знаю, но знаю, что через нее у меня завязалось знакомство с группой народовольцев. Ко мне на Петербургскую сторону ходили Браудо, Сущинский, Зотов. Наше самообразование к этому времени почти уже закончилось; оно было определенно социал-демократическое. При наших сношениях с группой народовольцев, мы держались особым образом. Мы говорили, что народовольчество нам не подходит, что

нам нужен организованный рабочий, а переустраивание общественного строя на отдельных геройских выступлениях не оправдывается ни прошлым, ни настоящим. Примером для нашей деятельности в будущем и настоящем должна служить германская социал-демократия и тамошнее рабочее движение. Можно, конечно, прихватить и французскую историю рабочего движения. Завоевание политических прав также должно произойти организованно, и главным борцом за это завоевание будет фабричный и заводский рабочий, а не крестьянин. Для рабочих политические права необходимы, как рыбе вода, так как, только овладев политическими правами, он сумеет сорганизоваться. При тогдашних русских условиях, чтобы поближе подойти к широкой массе рабочих, надо было стараться организовать их на основе повседневных интересов: брюха, если хотите, пятачка, сокращения рабочего дня и тому подобное. Сначала их надо было учить бороться скопом, отстаивать свои интересы сообща, агитировать на почве существовавших недовольств, вызывать и поддерживать стачки, протесты, но, ни в коем случае, не приучать рабочих надеяться на то, что появятся какие-то герои и все устроят для них без их участия. Поэтому народовольчество, как заговорщическое движение, нам не на руку.

На крестьянство мы тоже смотрели иными глазами. Мы признавали их жалкое положение. Но крестьянам мы не отводили большой исторической роли: для нас они были массой отсталой, не видящей далее своего носа, разрозненной, плохо связанной между собой, неорганизованной, не имеющей общих интересов, кроме «побольше землицы». На Пугачевщину и Стенько-Разинщину мы отвечали тем, что эти движения никаких новых принципов не выдвинули и для истории ничего не дали. Вопрос о преимуществах русской крестьянской общины у нас еще не был решен, и по отношению к нему мы сидели меж двух стульев. Такого рода взгляды мы усвоили себе из сочинений Ф. Лассаля и статей старых журналов. В данный момент я только описываю то мысленное наше состояние, которого мы добились совершенно самостоятельно.

Аресты после маевки 1892 г. нам много не повредили. У полиции было подозрение на нашу квартиру. Шпик посетил ее, но

я был предупрежден дворником, что какая-то комиссия будет осматривать нашу квартиру. Мы приняли соответствующие меры. Пришел охранник под видом околоточного, я тотчас же открыл ему дверь в растрепанном виде, пригласил его к себе в комнату, в которой был беспорядок—окурки, полувыпитые бутылки водки, стаканы, закуски, бутылки пива. На его глазах я тут же опохмелился, приглашая и его принять участие; он вежливо отказался. Осмотр и опрос наверное оказался удовлетворительным, так как нас больше не беспокоили почти два года. И мы продолжали развиваться и увеличивать количество наших соумышленников. Все члены кружков были обложены двухпроцентным сбором с заработка, как минимум. Деньги также собирались с вечеринок, лотерей, розыгрыша книг, часов и других вещей. Тратились они на покупку книг, на помощь заключенным и высланным, на временную поддержку тов. безработных. Интеллигенция тоже давала нам денежные средства, при чем мы издавали и отчеты для членов кружков.

После ухода с завода Яковлева, я работал некоторое время у Семянникова вместе с Фунтиковым. Тут я познакомился с Петром Морозовым (ткачем) и с некоторыми другими фабричными рабочими. Фабричные рабочие для меня казались другой расой рабочего класса. Все это было легко об'яснимо: длительность рабочего времени с 5 часов утра до 8 вечера, фабричная атмосфера, барачная система жилых помещений, где кровати иногда круглые сутки не остывали. Все это было на фабрике Торнтона, на Охте, куда я ходил поговорить с некоторыми фабричными товарищами о рабочем движении с точки зрения с.-д., как мы ее понимали в то время. Чтобы добраться до корпуса, приходилось чуть ли не брать пропуск и об'яснять цель своего прихода и степень родства церберу, стоявшему у ворот.

От Семянникова я перебрался опять в город. Работал у Крука, Тильмана, Шувалова, откуда поступил на завод Сименс и Гальске.

Когда я ходил искать место к Сименс и Гальске, то, по обыкновению, оделся лучше, ибо кто был чище одет и в шляпе, тот был и мастер. Прихожу к обеду. Просвистал гудок. Повалили рабочие. Что за штука такая? Засаленных и запачканных рабочих

Вологодская Основной фонд

вышло человек пять, а остальные все в крахмальных воротничках, шляпах, лайковых перчатках, с тросточками. Ну, словом, все франты, как мы их иногда называли: «сердцееды». Я так был озадачен, что даже прозевал мастера. Пришлось наводить справку у сторожа, тоже в европейском костюме. Оказывается, что мастер шляпы не носит, а обыкновенную кепку. Поступил, и, после нескольких дней пребывания на заводе, и я приобрел внешнюю полировку. Вся штука заключалась в том, что там рабочим давали два раза в неделю по кусочку мыла и меняли полотенца; устроено было место для умывания с теплой и холодной водой и наделаны были шкафы, куда можно было вешать на номер ярлыка чистую одежду, приходя на работу, и сменять рабочую, уходя с работы. Кроме того, во время завтрака и после 4 часов, можно было итти к воротам и купить себе с'естных припасов и пива. Пиво прямо ставили на станок или верстак. Приходил сам старик Сименс, и никто пива не убирал. Раз случился такого рода казус. Был всюду обычай при поступлении ставить привальные. Работал на револьверном станке трезвенник. Он возмущался этими привальными. Поступил на другой револьверный станок семейный пожилой рабочий. С него тоже привальные потребовали. Он говорит, что денег нет.—«Не беда, нам только твое согласие нужно, а платить можешь как поправишься, хоть в несколько раз, а если уйдешь не поправившись, то сами заплатим». Трезвенник увидел в этом случае принуждение и—к директору. Двоих назначили к расчету. Поднялся запрос—за что? Об'яснили. Узнали также, кто донес. В обед было решено постоять за своих, вплоть до прекращения работ, и выжить трезвенника. Отправили депутацию к Сименсу. Выслушал депутацию. Призвал директора. Убедился, что депутация говорит правду. Тут же при депутации рассчитал директора за то, что поступает опрометчиво, не расследовав дела, а, главное, за то, что принимает наушников. Трезвеннику назначили расчет. Рабочие настолько были возмущены, что тут же решили собрать двухнедельную заработную плату—и трезвенника чтоб и духу не было. Я был очень доволен этому случаю, хотя и не принимал активного участия. Вскоре после этого я поступил опять на Балтийский завод, но уже в новую мастерскую.

Каждое лето у нас наступало затишье, тогда как летом, думалось, можно бы более успешно заниматься кружковщиной и лучше устраивать небольшие собрания. Но интеллигенции летом не было. Надо было это как-нибудь устранить, и единственным способом избежать повторения этого—было выработать свою рабочую интеллигенцию. Поговорили относительно этого с интеллигенцией. Есть интеллигенты—охотники заниматься с рабочими у себя на дому, но не более одного или двух зараз. Я уговорил Кейзера итти вместе со мной на окончательную отполировку. Нас направили к доктору Гурвичу, поляку. Он, надо полагать, был уже опытный человек в этом деле. Принялся за нас основательно. Ходили мы к нему по воскресеньям утром. Стали штудировать манифест К. Маркса и Ф. Энгельса, с соответствующими комментариями и пополнениями с его стороны. В дополнение читали и другие книги. Все, что было для нас непонятно, он нам об'яснял. Мы прошли весь манифест, исключая критики социалистических учений. Но эту часть мы совсем почти не прошли, так как Гурвич скоро уехал. Принялись мы опять дома за сочинения Шелгунова, за историю культуры, историю материализма, не знаю чью. Все-таки чувствовали пробел в истории социалистических учений. Конечно, Дикштейна «Кто чем живет» читали несколько раз. Но многое все-таки было не ясно.

Вскоре я каким-то образом достал брошюру Фр. Энгельса: «Социализм утопический и научный». Чуть ли не вызубрил ее на зубок, но и это нам казалось недостаточным. Наконец, нам предложили заниматься К. Марксом. Направился я один к Старкову, так как Кейзер не хотел итти дальше, считая это якобы лишним времяпровождением. Со Ст. Старковым мы занимались изучением 9 глав первого тома «Капитала». Было сначала трудненько, но мы одолели, хотя все-таки для меня «фетишизм товара» в то время был еще не ясен. Для нашей повседневной пропаганды мы чувствовали, что чего-то не достает. И случайность опять-таки меня и Кейзера выручила из беды. Мы каким-то образом познакомились со студентами, проживавшими на Васильевском острове. Они интересовались знакомством с рабочими; мы отправились к ним.

Попали, что называется, в буржуазную обстановку,—со швей-

паром, прислугой, мягкой мебелью и все прочее. Звали студента Аркадием, фамилию забыл, а курсистки Бестужевских курсов не помню ни имени, ни фамилии. Главное дело, Аркадий был за границей и привез с собой брошюру К. Каутского «Эрфуртскую программу» на немецком языке. Я ее читал дома у себя; она давала такой богатый материал для пропаганды и так хорошо об'ясняла многие сомнительные места и требования рабочих, что мне казалось, что издание этой брошюры на русском языке было бы громадным шагом вперед. У Аркадия я также видел гектографированный оттиск: «Что такое коллективизм» или, просто, «Коллективизм» Жюля Геда, если не ошибаюсь. Если не ошибаюсь, у Аркадия я также встречал одного из братьев Красиных. Аркадий и Красин планировали какой-то перевод. Аркадий был сын владельца крупного металлического завода на Юге. Наше знакомство было круто оборвано тем, что раз, придя к нему, узнаю, что 10 минут тому назад его арестовали. Таким образом я совершенно потерял его из виду.

В 1893 году я и Кейзер начали приводить в исполнение нашу заветную мечту—стать интеллигентными рабочими. Прочтенное нами давало нам надежду, что мы вполне справимся со своей задачей. Мы приобретали всякие биографии ученых. Некоторые из них были так хорошо написаны, что давали полную картину жизни эпохи. Некоторые не только описывали эпоху, но давали и об'яснения—почему и как. Одним словом, многие эти биографии были написаны с точки зрения материалистического понимания истории.

Владимир Князев к этому времени организовал кружок, который собирался на Малой Зелениной, Петербургской стороны. Вот туда-то я и стал ходить заниматься с рабочими. Владимира же Князева направил к Степану Старкову. Старков же направил меня к Владимиру Ильичу Ульянову, жившему в Казачьем переулке. Владимир Ильич читал мне только что вышедшую книгу Николая—она, точное заглавие которой не помню. Мое знакомство с Ильичем продолжалось не долго, но впечатление, которое он произвел на меня, было самое хорошее,—человека с вполне установившимся образом мыслей; всегда веселого, вполне уравновешенного. Всякий, кто видел его в это время, никогда бы не подумал, что он революционер, а скорей всего интеллигент, который

может залезть тебе в душу так, чтобы ты этого не почувствовал, а если и почувствовал, то чтобы это не вызывало протеста с твоей стороны [1]).

После моих первых удачных занятий в кружке Князева, я начал настаивать, чтобы и Кейзер также перешел на это поприще. Брат Кейзера, Петр Кейзер, организовал кружок из служащих в Российском страховом обществе. Вот в этот-то кружок на занятия ходил Ив. Кейзер. Ив. Кейзер мог развивать мысли и говорить лучше моего. Вскоре, кроме кружка Князева, я стал посещать и другой кружок—на Офицерской улице. Но после некоторого времени я передал его интеллигенту, так как чувствовал, что мне не справиться со всем, что у меня было на руках.

Теперь я должен упомянуть о женской организации. С женщинами я познакомился на вечеринке, устроенной на квартире Егора Афанасьевича Климанова. Расходясь по домам, мы проводили до дому Машу и Пашу, живших в то время в Воспитательном доме благородных девиц на Васильевском Острове. На этом наше знакомство оборвалось. Как я уже упоминал раньше, к нам на Петербургскую стали ходить рабочие из других районов. Через них мы познакомились и с остальными тов. девицами. Антушевский познакомил с Верой Карелиной, а та уже со всеми другими: Анютой Егоровой, Раисой, Феней, а впоследствии, через Пашу, с Наташей, жившей в то время еще в Воспитательном доме для благородных девиц. Пробрались в дом и стали вести пропаганду. Я, Кейзер и Форсов ходили туда, представляя из себя светских кавалеров. Устраивали всевозможные собрания девиц прислужниц, пользуясь для этого всякого рода престольными праздниками, именинами. Читали книжки, разговаривали, оставляли книжки для чтения и тому подобное. Но после какого-то случая с Наташей, пришлось все это бросить.

Вера Карелина была на акушерских курсах; Анюта Егорова работала на фабрике; Раиса занималась шитьем на дому; Паша, Маша, Феня, Наташа работали на Русско-Американской резиновой мануфактуре. Наташа потом работала где-то в типографии. Все эти тов. девицы были настроены аскетически: их никак нельзя

[1]) Это знакомство с В. И. произошло позже. Ред.

было затащить на вечеринку, где занимались танцами. Они это считали пустым времяпровождением. Помню, как-то раз, затащили Наташу на одну из таких вечеринок, чтоб познакомить с другой частью наших женщин, состоящих из портних, белошвеек, знакомых сестер Александра Ильина. На эту вечеринку также был приглашен студент интеллигент, занимавшийся в одном из кружков. Поскольку мне помнится, приговор Наташи был для нас убийственен, а студенту хотелось увидеть, как мы, рабочие, веселимся. Надо заметить, что наше отношение к тов. девицам было чисто товарищеское. Поскольку я могу вспомнить, у нас, т.-е. в кругу моих знакомых и тов. девиц, не было никаких трагедий.

Стали готовиться к маевке 1893 года. Решили собраться на Крестовском острове, в лесу. Кто пришел сухопутьем, но большинство приехали на наемных лодках. Так как лес принадлежал частному лицу, то нас скоро оттуда выставили, не дав времени собраться и начать произносить речи. Решили всем разместиться на лодках, выбраться на средину реки, сплотиться и в это время произнести речи. Так и сделали. Но все-таки собрание было сорвано,—вышло ни то, ни се. Хотя собрание и было неудачно, но оно дало нам возможность влить новые надежды в ряды организованных рабочих. Судить о количестве собравшихся не берусь, но думаю, что было больше, чем в 1892 году. На этот раз шпиков никто не привел с собой, и, после этой маевки, у нас жертв никаких не было. Мы после этого продолжали усиленно работать над организацией рабочих. На собраниях присутствовали все наши старые знакомые рабочие: Егор Климанов, Петр Евграфов, Григорий Лупетов. Из интеллигенции был Ст. Старков, Г. М. Кржижановский и другие.

В 1893 году произошли аресты среди рабочих—арестован был Егор Климанов, Петр Евграфов, Григорий Лупетов и еще кто-то. Были ли аресты среди интеллигенции,—сказать не могу; но знаю, что эти аресты ничего общего с маевкой не имели. Об арестах мы были оповещены рано утром Василием Антушевским; он успел притти с Измайловского полка к нам на Петербургскую к половине шестого утра. Оставшись дома, я решил выяснить, кто еще арестован. Оказалось, что кроме вышеупомянутых товарищей никто больше не арестован. Я был даже на квартире Григория

Лупегова, но все обошлось благополучно. Григорий Лупегов работал в Экспедиции. Он был с Урала. Я с ним несколько раз беседовал об уральских рабочих, и он меня уверял, что там рабочее движение довольно сильно развито, что и оправдалось несколько лет спустя, когда они добились восьмичасового рабочего дня.

На собрании было решено—ни в коем случае работу не останавливать, а наладить еще лучше. Некоторые из нас чувствовали, что больше года нам не просуществовать. Для этого надо было позаботиться о наших преемниках. Каждый из нас должен был наметить заместителя. Ему передать все связи. Я наметил себе заместителем Ивана Яковлева. Ему было сдано казначейство, связи и кружки. Но он не действовал, нелегальщины у себя не держал, я же продолжал действовать по старому. Также Кейзер и другие.

Как я уже говорил, не все существующие кружки организованных рабочих находились под нашим влиянием, некоторые были под влиянием народовольческим. Нам приходилось встречаться с представителями народовольцев и с отдельными рабочими народовольцами. Они больше всего существовали на окраинах, на Обуховском, за Невской заставой, на Охте, на Выборгской стороне. Нам хотелось их об'единить с нами, перетянуть их на нашу сторону. Но должен при этом заметить, что у нас и в мыслях не было, по крайней мере в то время, слиться с ними вполне. Мы вообще признавали, что нас разделяет с интеллигенцией масса условий, образ жизни, воспитание и т. п. Мы признавали, что работать мы могли совместно, но не под их управлением. Мы никак не могли себе представить, чтобы интеллигенция нам предписывала в каждый данный момент делать то-то и то-то. Этот номер у нас не прошел бы. Мы также чувствовали, что были бы не в состоянии предписывать интеллигенции не делать того-то и того-то. Не могли же мы говорить студентам, что они не должны волноваться по поводу какого-нибудь прохвоста профессора... Так мы смотрели на практическую сторону дела.

С теоретической стороны нам казалось, что обе стороны могли и уступить. И поскольку мы могли судить, такого рода уступчивость существовала. Следовательно, нужно было найти

равнодействующую. Как я уже говорил, нам важно было перемануть рабочих народовольцев на свою сторону и об'единить их. В кружок народовольцев входить нахрапом мы считали неудобным и к себе пускать тоже не хотели. Если бы у нас было достаточно рабочих интеллигентов, то мы и в ус бы не дули. Но их у нас было очень и очень мало и в скором времени не предвиделось. Поэтому нужно было пойти на компромисс. Нам казалось, что народовольцы—агитаторы, а с.-д.—пропагандисты. Те и другие необходимы для целостности рабочего движения. Агитатор—это спичка, которая может взорвать пороховой погреб; а пропагандист—это рука, производящая спичку. Пропагандист должен иметь целостное мировоззрение, точное понимание рабочего вопроса—одним словом, энциклопедист, готовый ответить на всякий вопрос; другой же должен бить на чувства, быть оратором, призывать толпу к действию и, если нужно, вести ее. Мы предвидели, что, может быть, в скором времени нам надо будет иметь и тех, и других. Нам было известно из истории французской революции, что мелочи могут низвергать троны, и что пустяки могут расстроить самый лучший заговор.

Мы устраивали диспуты, сначала в тесном кругу, а потом в более расширенном виде. Мы не боялись, что рабочие от нас уйдут, а, наоборот, думали, что они примкнут к нам. Конечно, и между нами были такие, которые склонялись к народовольцам. Такое положение вещей нас не очень беспокоило: «перемелется—мука будет». Нам важно было иметь направляющее влияние.

Однажды проявилась сильная оппозиция против Егора Климанова, меня и других «заправил». Шла она с Выборгской стороны. Через девиц завербовали Кейзера. Причиной служило то, что мы собираем членские взносы и расходуем их, не испрашивая согласия тов. членов, и тому подобное. Я случайно попал на одно из таких оппозиционных собраний. Поговорили крупно, и собрание расстроилось. Так как Кейзер в это время жил уже со мной, то я принялся за него. Он ерепенился, но, в конце концов, признал правильность моей точки зрения о невозможности, при конспиративных началах, опрашивать всех членов о том, что мы будем делать тогда-то и тогда-то; да, и вообще, руководящая группа прежде должна все взвесить, а потом уже действовать. Оппозиция

была обезоружена. Конечно, мы тут подозревали демагогию, но только подозревали.

Чтобы избежать подобных инцидентов на будущее время, нам нужно было поставить себя в точно определенные рамки по отношению к интеллигенции. Нам казалось, что одних нужно было взнуздать, а других подхлестнуть. Вполне нам это не удалось, но жизнь и развитие рабочего движения впоследствии доказали правильность нашей точки зрения. Повторяю, что когда я говорю во множественном числе, то под «мы» надо подразумевать К. Норинского, В. А. Шелгунова, Ив. Ив. Кейзера, Логинова, Ив. Яковлева, Пашу, Сергея Фунтикова, иногда Вл. Князева, меня и Петра Морозова. Но руководящее ядро составляли четверо: К. Норинский, В. А. Шелгунов, Кейзер и я. Диспуты устраивались несколько раз. Наконец, было решено созвать обширное собрание у меня на квартире. На этом собрании присутствовало человек 15 рабочих с разных районов. Со стороны группы народовольцев присутствовали: Сущинский, Зотов, Мих. Ст. Ольминский; со стороны с.-д.— Старков и, если не ошибаюсь, Ст. Радченко. Приглашен был также, в качестве нейтрального, Тахтарев, сочувствовавший народовольцам, и зубной врач Михайлов, склонявшийся к с.-д. Также присутствовал на собрании рабочий-народоволец Кузюткин. Он впоследствии оказался провокатором, как и зубной врач Михайлов. После докладов спорящих сторон и мнений, высказанных сочувствующими той и другой стороны, стали высказываться рабочие, приглашенные нами на собрание из разных районов. В конце концов, народовольцами были сделаны уступки—они согласились заниматься в кружках согласно требований рабочей группы, а для того, чтоб эта часть договора исполнялась, было решено направить в такой кружок своего человека. Также был выбран руководящий кружок. Собрание разошлось поздно ночью, с самыми лучшими надеждами.

Уже в нашу бытность в Петербурге, мы не только занимались кружковщиной, но переходили и на распространение нелегальной литературы собственного производства. Нами, т.-е. мной и Кейзером готовилась к отпечатанию вторым изданием брошюра под заглавием «Что должен знать и помнить каждый рабочий». Я ее переписывал, Кейзер достал чернил и бумаги для гектографиро-

вания из Российского Страхового общества. Все было готово, но случилось несчастье: испорчен был оригинал тем, что пролили на него чернила и таким образом эта брошюра не увидела света.

Народовольцы предложили отпечатать брошюру—если кто-нибудь из рабочих ее напишет. Ив. Ив. Кейзер написал «Братцы-товарищи». Она была отпечатана и распространялась охотно рабочими, примыкавшими к нашей организации. После этого опыта, народовольцы предлагали издание «Рабочей Газеты», или что-то в этом роде, и первый номер должен был выйти в скором времени, но, насколько мне помнится, я первого номера не видел [1]). То, что народовольцы имели типографию, для нас было очень важно—вот еще почему мы не хотели прерывать с ними отношения.

По прошествии очень краткого периода после вышеописанного собрания, в апреле 1894 года, начались аресты среди народовольцев. Были арестованы Ольминский, Сущинский, Зотов. Сопоставляя все данные, мы были уверены, что тут провокация. О Кузюткине—рабочем-народовольце, который был на этом собрании, ходили недобрые слухи, и потом оказалось, что те, адреса которых он знал, были арестованы. Приготовились к обыску и мы. Вскоре последовал обыск, и нас арестовали в конце апреля 1894 г. Были арестованы следующие рабочие: К. Норинский, Логин Желабин, Фунтиков, Ив. Ив. Кейзер и я. Петр Морозов, который жил с Фунтиковым, в то время не был арестован, так как где-то был в провинции. Впоследствии был привлечен к делу Розенфельд—финн, слесарь, работавший на Балтийском заводе, и слесарь с завода Яковлева. К концу моего предварительного заключения была также арестована Наталья Григорьева, проживавшая в Нарве и работавшая там швеей.

Чтобы заключить петербургский период, мне придется еще упомянуть о наших связях с провинцией. Точно не могу сказать, но знаю, что товарищей наших, высланных под надзор полиции в провинцию, а не в места «не столь отдаленные», мы старались снабжать легальной литературой. Посылали в деревни целые библиотечки. Тов. Старков снабжал меня, добывая по дешевым ценам у Калмыковой, «Посредника» и в других либеральных кру-

---

[1]) Номер вышел под названием „Рабочий Сборник". Ред.

тах. Мы ничем не брезговали. Я перетаскивал эти библиотечки, нагружая себя вокруг пояса или ремня. В деревне работала учительницей Анюта Егорова, в Нарве—Федор Афанасьев с Наташей Григорьевой, Петр Кайзо—у себя на родине; посылали, кажется, и в Кострому, через Форсова.

Федор Афанасьев, с которым я как-то познакомился за Невской заставой, просил меня приехать к ним в Нарву. И вот, в дни праздника Троицы, я туда отправился, захватив с собой нелегальщины. Федор Афанасьев работал среди ткачей Кренгольмской мануфактуры. За два, за три дня Федор Афанасьев заставил меня проделать такую работу, что я поехал обратно в Петербург как будто бы на отдых. Я должен был поднять дух тамошних ткачей и в то же время доказать им, что и среди рабочих есть лица, не уступающие интеллигенции. Так сказать, воочию убедить их в этом, но, главное, убедить их в том, что только общими силами рабочий класс сможет добиться улучшения своего положения. Насколько удачно была выполнена эта задача, я не знаю, так как хотя я и видел впоследствии Ф. Аф. в Питере, но об этом разговора не было.

До ареста нашего я хотел перебраться на Обуховский завод, так как слышал, что там есть очень хороший материал, который надо бы организовать, но что большинство из них—народовольцы. Я навел справки, получил связь, и с Кейзером отправился туда.

Если не ошибаюсь, встретился с Бабушкиным. Беседа велась в трактире. Беседу вел больше Кейзер. Когда выдался удобный случай, Бабушкин спрашивает меня, кто такой Кейзер: интеллигент или рабочий?—Рабочий,—отвечаю. Не верит,—ты, говорит, похож, а он нет. Кажется, мои доводы о том, что он рабочий, не убедили его. При разговоре пришлось разбивать народовольчество. Наконец, договорились, что я поступаю к ним, но это так и осталось уговором. Накануне обыска я был у Фунтикова, но у него не ночевал, а у Агафонова. Агафонов раньше был в кружке Н. Богданова, но в этот момент активного участия не принимал, и мы им пользовались, как переплетчиком. Работал он на фарфоровом заводе. Переночевав, забрал у него книги и уехал домой. Стучу. Открывают дверь, боязливо и нервно спрашивая: кто там? Почуял недоброе. Оказывается, был обыск и Кейзера арестовали

гром, когда пришел переодеться. Сын хозяйки-немки сообщил Ив. Яковлеву, что арестован Кейзер, а меня еще нет. Яковлев стал дежурить, чтоб меня предупредить. Так говорила хозяйка. Шпики и дворник меня проворонили. Хозяйка сходила в лавку, предупредила Яковлева, что я дома. Он пришел, мы с ним поговорили, напились кофе, распростились, и он ушел. С тех пор я видел его только раз, перед моим от'ездом в провинцию. Наконец, рассчитался с хозяйкой, она пошла за дворником, и меня отправили в участок, а из участка на Шпалерную.

Должен здесь заявить, что хозяйка наша и ее сын Франи Кирхмейер отлично себя вели во время допроса. Никто ими не был опознан. Они говорили, что из их комнаты они никогда не видали, кто приходил ко мне, да и не беспокоились, потому что мы были образцовыми жильцами. По выходе из предварилки я и К. Норинский вместе оставили Петербург: он уехал в Екатеринослав, а я в Рыбинск. На станции Бологое мы с ним расстались, до будущей нашей встречи в Архангельске, куда К. Норинский перевелся из Вологодской губ.

Родители Ив. Ив. Кейзера были рабочие. Отец работал в мастерской золотых и серебряных изделий. Чьей фирмы—не знаю. Жили они очень бедно, так как отец его периодически запивал, и все, что было приобретено во время трезвого периода—во время «тяжкой» шло в ломбард. Мать его была очень слаба здоровьем, страдала ревматизмом.

Провинция и ссылка.

Из Питера я приехал к моей матери с тем, чтобы потом перебраться в Рыбинск, почти родной для меня город. Но переехать туда на постоянную работу не удалось, так как, пробыв здесь с неделю, я убедился, что жандармская разведка поставлена здесь так хорошо, что мне не удастся скрыть от нее ни одного шага. Мне представился случай поступить на вновь строящуюся бумагопрядильню около ст. «Волга», Рыб.-Бол. ж. д. Нужно было туда с'ездить, не испрашивая разрешения жандармов. Сел с товарной станции, на товарный поезд, к знакомому машинисту на паровоз. С'ездил и таким же образом приехал обратно. Не доезжая двух верст до Рыбинска, слез с паровоза и полями пробрался домой. На

следующее утро получаю повестку явиться в жандармское. Прихожу. «Вы вчера куда ездили на таком-то поезде, а приехали на таком-то, и так-то пришли домой?». Отнекиваться не пришлось и, после этого, я решил, что Рыбинск для меня не место. Меня еще приглашали работать на мукомольной мельнице Голунова, но, после только что описанного случая, стало ясно, что самое хорошее, что я мог сделать—это ехать обратно к матери и ожидать приговора. С уездной полицией дело шло у меня недурно. Она меня не беспокоила, а если проходил мимо «стана», то заявлялся, и этим все ограничивалось.

Работал у матери по земледелию. Зимой с братом дрова пилили—по 50 коп. с погонной сажени; летом пахали, косили сено, жали и т. д. С наступлением осени 1895 г., поступил водопроводчиком и слесарем на вновь строящийся завод сухой перегонки дерева. Какой я был водопроводчик! Но на безрыбье и рак рыба. Пока дело шло с железными трубами, все было хорошо, но как только принялся за свинцовые, то тут уж я и сказался. Но после некоторого времени и к этому приспособился. Сначала качали воду конным приводом, но потом где-то владелец завода разыскал американскую ветряную мельницу. У нее многих частей не хватало, но можно было пристроить, чтобы она качала воду. Со стариком плотником ухитрялись, ухитрялись и, наконец, с помощью заметок, которые я сделал в доме предварительного заключения, нам удалось вычислить высоту башни, площадь крыльев и прочее и наладить ее. Дело пошло, мельница завертелась. Получал я на этом заводе один рубль в день на полном содержании, что в деревне считалось высокой платой, куда больше сельских учителей. На этом заводе я проработал до об'явления приговора, и стал ждать отправки в «места не столь отдаленные».

Рабочие на заводе, конечно, знали, что я выслан из Питера, но плодотворных результатов моя работа там не имела. Все они были из окрестных деревень, об'яснять им кое-что бывало так трудно, что я почти отчаялся в них. С ними только и можно было говорить о земле и земельных отношениях, о земских начальниках. Среди крестьян тамошней местности шло сильное движение в целях приобретения земли чрез Крестьянский банк. Земство помогало. Да и помещики также—им нужны были деньги. Владель-

цем завода был столбовой дворянин Азанчеев-Азанчевский. Кидался он во всякие предприятия: и лесом торговал, и дерево перегонял, но так как денег не хватало, то и землицу продавать крестьянам стал. Приобретение новой землицы заставляло крестьян переходить на четырехпольную систему обработки земли. Это повело за собой улучшение земледельческих орудий. Приобретали плуги и железные бороны. Сеяли клевер и другие травы для корма скота. Детей посылали в школу. По очереди возили их.

Вел также знакомство с сельской интеллигенцией.—учителями и учительницами. Некоторые были развиты, но большинство отбывало свое учительство, как повинность, ожидая определения в «батюшки». Были, конечно, и такие, которые духовному званию выдавали волчий паспорт и учительствовали, избрав учительство, как профессию. Такие учителя интересовались всевозможными вопросами; они часто расспрашивали меня о рабочем движении, развиваются ли среди рабочих идеи социализма.

Беседовал с деревенской молодежью, моими сверстниками, но чувствовал себя среди них не в своей тарелке. Парням деревенским не до политики было: молодежь, готовившаяся итти в солдаты, хотела провести свободное время как можно веселее. Конечно, все веселье заключалось лишь в хождении на беседы из одной деревни в другую. Но замечательно, что пьянства среди них не наблюдалось. Так только, для веселья. В этом и я, конечно, принимал участие. «Гулял» (местное выражение) и на свадьбах, где все гулянье заключалось в еде. Ели по три дня, чуть ли не с утра до вечера. А так как молодежь, которая женилась, большей частью была «столичная»—кто краснорядец, кто яичник, кто был просто «шестеркой» (слугой в ресторане, в трактире), то все они привозили с собой из городов и городские обычаи. Свадьбы и вечеринки сопровождались городскими танцами: кадрилью, лансье и, к концу, даже полькой. Простые деревенские гармошки-«итальянки» сменялись немецкой двурядкой. Одежда их была городского покроя, да еще, вдобавок, с крахмальной сорочкой. Крахмальные сорочки и воротнички приносились к моей матери для глажения. Деревня в это время испытывала нашествие городской цивилизации; деревенская простота нравов разбивалась в пух и прах. Я об этом не тужил.

Мать моя жила сторожихой в имении князя Куракина, в пустоши Дьяково, село Спас, что на Ильде, Мологского уезда, Ярославской губ. Братья мои, кроме крестьянской работы, все были мастеровыми: Василий—столяр-краснодеревец, Иван—столяр-белодеревец, Михаил—столяр и плотник, Сергей—слесарь-ремесленник, Федор—электротехник, а потом ретушер. Когда я жил дома, то занимался с ними. Сергей был расстрелян или повешен, как писал мне младший брат Федор за границу, за покушение на Ярославского губернатора, в каком году не помню, но, кажется, после 1905 г. Михаил два года высидел в дисциплинарном батальоне за оскорбление офицера. Он служил в Брест-Литовском крепостном гарнизоне; Федор скрылся куда-то, после того, как ему исполнился 21 год. Ему также надо было удирать за границу, так как его не приняли в русское подданство.

Об'явили мне приговор—3 года гласного надзора в Архангельской губернии. Спрашивали, как поеду: на свой или на казенный счет? На казенный, конечно. Где же мне было достать сотню рублей, чтоб добраться до Архангельска? Отправили этапом. Все расстояние шел пешком, кроме как из Ярославля до Вологды. В Ярославле встретил старую знакомую, Анюту Егорову, шедшую в ссылку в Вологодскую губ. В Вологде встретился со студентом Павловичем из Киева, ссылаемым тоже в Вологодскую губ. Переход из Вологды до Архангельска продолжался 74 суток. Официально 60, но две недели я пробыл в госпитале, в Кириллове. Единственная тюрьма на всем пути, которая имела облик и атмосферу вроде домашней. Смотритель имел вид патриарший, обед готовился чисто и вкусно. Тюрьма маленькая; начальник разрешил нам баню, если натаскаем дров и воды. Врач тюремный был премилый человек: кто чувствовал легкую слабость—определялся в земскую больницу. Вот в этой-то больнице я и пробыл две недели, с целью не столько подкормиться, сколько переждать распутицу. После всяких этапных прелестей, я, наконец, в июне прибыл в Архангельск. В Архангельске по нашему делу, группы народовольцев, находились уже Фудель с женой и Ив. Влад. Галецкий. Публики ссыльной было порядочно,—разношерстная. Были польские националисты, «польской партии социалистической», с.-д., народоправцы и народовольцы. Из Архангельска через месяц меня перевели в Шенкурск.

В Шенкурске колония ссыльных состояла из с.-д.: Машицкого и супруги, Антона Васильева и жены его Глафиры Козловской, Федорченко, К. А. Волосовича, Мациевского—ткача из Варшавы, меня; народовольцев—Келлера и Фадеева; народоправцев—Максимовых, мужа и жены, Львова, Троицкой и к началу зимы, Флерова. Зимой туда же прибыли Кандарелли, переведенный из Онеги, и Мальшев из Самары—оба с.-д. Вторую ссылку отбывали товарищи Машицкие и Флеров.

Жизнь между ссыльными в начале шла ничего себе; трения замечались, но острых выпадов друг против друга не было. Колония получала журналы и газеты, присылаемые редакциями бесплатно. Читали по очереди. 1896 год был годом выхода нескольких книг, критикующих народничество с точки зрения марксизма или материалистического понимания истории. Конечно, весь спор вертелся вокруг центральной точки: быть в России капитализму или нет? Если быть, то как к этому отнестись—с радостью или грустью? Новые книги, как, например, Николай—она, Волгина, Бельтова, Петра Струве, определенно и категорически доказывали с фактами в руках, что капитализм у нас есть, развивается и будет развиваться, несмотря ни на что. А из этого следовало, что для революционера единственной надеждой был промышленный пролетариат, и потому, кто не за пролетариат, тот или консерватор, или реакционер. Следовательно, вопрос был поставлен прямо и остро и должен был разрешиться так или иначе. А так как наши ссыльные, в большинстве случаев, страдали нервами, да вдобавок делать было нечего, отчего нервы еще больше расстраивались, да прибавьте к этому еще то обстоятельство, что видеть друг друга приходилось чуть ли не весь день,—то вы получите атмосферу, в которой, при малейшей искре, может получиться взрыв. Искрой послужило прибытие по почте нелегального журнала «Борьба», который с.-д. считали своим, а народовольцы—своим. (Кто из них был прав—я и по-сейчас не знаю.) Далее пришло официальное раз'яснение и описание петербургской стачки 1896 г.; в этом описании с.-д. были официально признаны партией, с которой правительству приходится бороться довольно серьезно. К этому прибавились еще уральские события, где рабочие добились восьмичасового рабочего дня. Все это заставляло одних ходить чуть ли

не выпятив грудь и задравши нос. При таком положении вещей подчеркивание отдельных фраз в периодических изданиях становилось как-будто оскорбительным для других. Был на собраниях поставлен вопрос о том, чтоб подобных подчеркиваний не делать. С этого и пошла кутерьма. Одна часть выразилась, что партия народоправцев есть «партия дворников и исправников». Другая—обвиняла первую во введении в «систему клеветы и инсинуаций». Дальше в лес—больше дров. Наконец, колония раскололась, так сказать, на три части: с.-д., народоправцы и нейтральная группа. Вот в нейтральную-то группу попал я, Фадеев, К. А. Волосович, Келлер. Но так как с.-д. не хотели и с нами иметь что-либо общее, то нам волей-неволей пришлось пристать к народоправцам.

О народоправстве, как особом течении, мне до этого времени и слышать не приходилось. Насколько я мог в то время разобраться, это было движение чисто интеллигентское, в большинстве случаев—земских деятелей, принявших легальную сторону движения и откинувших заговорщическую—Народной Воли. Каждая часть колонии зажила своей особой жизнью, но жизнь опять заставляла нас сталкиваться. В конце концов, я и Волосович имели сношения как с одной, так и с другой группой.

Тов. К. А. Волосович, как химик, а я, работавший на заводе сухой перегонки дерева, познакомились через нашу хозяйку с деревенскими смолокурами, приезжавшими на базар в Шенкурск из соседних деревень. Волосович хотел их научить, кроме перегонки смолы и дегтя, еще гнать канифоль и скипидар из того, что у них вылетало на воздух. После нескольких бесед, один из смолокуров согласился произвести опыт, при том условии, если мы сделаем трубы для охлаждения этих газов. Сказано—сделано. Сколотились на жесть; я сделал трубы, Волосович добыл себе разрешение от губернатора на раз'езд по губернии, и опыт был произведен. Результат оказался хорошим. Это впоследствии послужило к постройке скипидарного завода в Архангельске, а также и к тому, что Волосович стал работать для Академии Наук, собирая и классифицируя мушек, букашек и таракашек северного края. Келлер также работал для Академии Наук; он исследовал побережье Белого моря и Поморье. Это был очень отзывчивый товарищ.

Тов. Машицкий отличался твердостью убеждений, и свои

взгляды выражал кратко, с толком и резко. Когда он говорил, то сыпал цитатами из К. Маркса и «Эрфуртской программы», Бельтова и др. Из этого уже видно, что тов. Машицкий в то время был ярый поборник материалистического понимания истории или, как выражались в то время,—«экономического материализма». Когда я слушал его, то меня брала зависть; но мне казалось, что для того, чтобы эту теорию марксизма сделать понятной для рабочих, придется облечь ее в более простую форму, т.-е. употреблять более простой язык. А потому мне захотелось приняться за ее изучение, но закончить не пришлось. В изучении «экономического материализма» мне много помог Антон Васильев, который отлично владел немецким языком. Он мог прямо переводить с немецкого на русский. Тов. А. Васильев добыл каким-то образом на немецком языке—«18-е Брюмера», «Гражданская война во Франции в 1848 году», «Революция и контр-революция в Германии». Я так ими увлекся, что начал переводить на русский язык, но перевода не закончил просто потому, что на всю колонию внезапно нагрянул обыск, по какому поводу—и сейчас придумать не могу. Просто жандарму хотелось отличиться. Нас всех притянули к делу, не поставив даже в известность, — по какому поводу. Когда нагрянул обыск, ко мне в комнату поставили городового, а обыск производили у Васильева, и я, на глазах блюстителя порядка, сжег письма и перевод в печке; городовой смотрел и ничего не говорил, и потом ничего не сказал. Об уничтожении этих переводов я не сожалел, так как оказалось, что книги эти уже имелись в переводе. С тов. Васильевым мы также вторично читали «Капитал».

Помню, в то время я переписывался с Н. Д. Богдановым и Филимоновым, из которых последний придерживался народнических взглядов. На этой почве у меня с ним была длинная переписка, и кто кого убедил,—ручаться не могу. Н. Д. Богданов в то время придерживался, как-будто, средней линии, но вполне за это поручиться не могу. Богданов в это время жил в Воронеже, на мукомольной мельнице, или в Тамбове, точно не помню. В 1901 году он был в Тамбове.

Тов. Фадеев был человек, с которым трудно было ужиться, так как, страдая ревматизмом, он валялся по целым неделям в кровати. Но, кроме этого, он обладал еще одним качеством или

недостатком: с трудом приходил к каким-либо заключениям, особенно—к усвоению новых идей. Он был искренен иногда до педантичности, ведь не даром же он был народным учителем, да еще из крестьян. Тов. Мациевский был ткач из Варшавы, страдал туберкулезом и угасал. Он на-зубок знал катехизис рабочего, одно из подпольных изданий с.-д. на польском языке. Товарищи Максимов, Львов и Троицкая занимались переводом сочинений Летурно. Тов. Максимов, по хлесткому определению доктора Галюна, приехавшего в Шенкурск лечить Троицкую от тифа,—был известен больше под прозвищем «ископаемый».

Зимой к нам прибыл в ссылку Флеров. Он был прекрасный и очень отзывчивый человек. У меня о нем остались самые хорошие воспоминания, и я много раз мысленно сожалел, что такой человек попался по народоправческому делу, но в то же время он находился уже на пути колебаний, и мне казалось, что народоправцем он был по ошибке, что он и доказал, примкнув впоследствии к Р. С.-Д. Р. П. В ссылке он был уже второй раз,—первый раз был в Сибири по делу Лопатина. Он переписывался с П. Якубовичем (Мельшиным), рассказами которого о каторге мы зачитывались в то время. Кроме того, П. Я. прислал Флерову первый том своих стихотворений. Был также с нами в Шенкурске Кандарелли—грузин. Это была горячая натура (из «пламенной Колхиды»), готовая итти на что угодно, он наводил ужас на всю жандармерию. Если он шел по одной стороне улицы, то «блюстители порядка» переходили на другую. Было это после того, как жандарм нечаянно задел его шашкой, проходя мимо. Если бы один из товарищей не удержал его, то он тут же избил бы этого жандарма вдребезги. Он так был этим возмущен, что тотчас же отправился к жандармскому начальнику и сделал заявление. После этого его избегали, как чорт—ладана. У нас всегда было чувство, что Кандарелли что-нибудь натворит. Но, кроме горячей натуры, он обладал еще способностью живо, чутьем, приспособляться к окружающим людям. Поскольку я слышал, северный климат доканал его: он нажил себе чахотку, от которой и умер. Прожив зиму в Шенкурске, я к весне, с первым пароходом, отправился в Архангельск, где надеялся найти работу на заводах или железной дороге. Баклушничанье мне надоело,—меня тянуло к заводскому шуму, лязгу, визгу

и всему прочему, хотя должен сказать, что в умственном отношении Шенкурск дал мне многое.

В Архангельске я поступил на пивоваренный завод Суркова, который заново перестраивался,—слесарем и монтером. На этом заводе я проработал лето и пол-зимы. Познакомился с местными рабочими. Со мной работал также и Василий Антушевский, который прибыл в ссылку годом позже моего. Он и В. А. Шелгунов заехали ко мне в Шенкурск, так как они ехали на свой счет и из Вологды приехали на своей подводе, что твои купцы. Когда я приехал второй раз в Архангельск, Шелгунов уже был заведующим лесопильным заводом в Мезени. К Суркову на пивоваренный завод поступил в качестве машиниста Сергей Лушин, местный рабочий, побывавший в Питере, тронутый пропагандой, но сам ничем себя здесь не проявлявший. Для меня он просто был находкой, так как знал почти всех рабочих металлистов, и, из разговоров с ним, я узнал про некоторых лиц, чем они интересуются. Он указал мне на хороших ребят у Ульсена. По окончании работ на пивоваренном заводе, после некоторых частных работ, я поступил на завод Макарова. У Макарова порядки были своеобразные: каждое утро до гудка была перекличка рабочих. Я заявил табельщику, что принципиально отказываюсь от тюремного режима, если же ему нужно знать, вышел ли я на работу, то он может проверить это из своей конторки, которая чуть ли не рядом с моим станком. Еще год тому назад до моего поступления, читалась, обыкновенно после переклички, братом Макарова (по прозванью «Сатана»)—молитва «Отче наш». Сейчас же по произнесении заключительных слов, он с площадной руганью кричал: «Эй ты, такой-сякой, давай гудок, пускай машину», после чего отправлялся на лесной двор и шнырял по заводу весь день. Рабочие Макарова были, большей частью, все подростки, служившие у него машинистами и кочегарами на его легком пароходстве. Более же пожилые плавали на его буксирах, ходивших за плотами или буксировавших баржи для погрузки на иностранные пароходы. Публика рабочая была мало квалифицированная и, потому, терпела худшие условия, чем на других заводах.

От Макарова я перешел к Ульсену. Завод более крупный, новейшего оборудования; условия на нем лучше, и народ поинтел-

лигентнее. Там я нашел рабочих, о которых говорил Лушин. Познакомились, и в скором времени образовался кружок. Составили кассу, нашли квартиру, приобрели книги, некоторые достали, а некоторые купили, в том числе даже первый том «Капитала», так как в это время он вышел в нескольких изданиях. В кружок входили: Андрей Шестаков, уехавший потом в Москву и вернувшийся оттуда в ссылку в Архангельск, Александр Черепанов, Михаил Двинов и Шестопалов. Они были уже людьми кое-что читавшими, и я занялся с ними «Эрфуртской программой», а потом принялись и за «Капитал». Все шло как по маслу, но как только добрались мы до «фетишизма товаров», то мне пришлось спасовать, пропустить эту главу и приняться дальше за «прибавочную стоимость». К концу изучения главы о «прибавочной стоимости», истекло время моей ссылки и я передал своих учеников в руки архангельских товарищей. Уже впоследствии, живя в Англии, я узнал, что Архангельский рабочий комитет сильно разросся, в него вошло несколько моряков торговых судов, и он очень хорошо работал. Конечно, не многие из ссыльных знали об этом кружке, а те, кто знал, были привлечены в качестве подмоги. Литература легальная шла очень хорошо среди архангельских рабочих. Добывали и нелегальной. Василий Антушевский был мною введен в кружок, как посредник между ним и ссыльными из интеллигенции, которые взялись наблюдать за благополучием этого кружка.

В Архангельске товарищей-ссыльных было очень много, всяких взглядов и возрастов. Отыскал Владимира Фомина, отбывавшего ссылку в родном городе. С ним у меня были только приятельские отношения: занимался ли он какой подпольной работой—не знаю: он не говорил, а я не спрашивал. Кроме Фомина и Антушевского в Архангельске были рабочие из Питера: Митробий Иванов—литейщик, В. А. Шелгунов, К. М. Норинский, Ив. Ив. Кейзер, москвичи: Александр Хозецкий—слесарь, К. Боэ—токарь, Карпузи; поляки—ткачи: Миллер, Копчинский, Новак и один наборщик, фамилию которого не помню, работавший слесарем на Исакогорке, и еще нижегородец Петров—слесарь. В описываемое мною время на заводах, кроме меня, работали только Антушевский, Фомин, Шелгунов, а остальная рабочая публика предпочи-

тала лучше прозябать на казенном коште и всеобщем уравнительном пособии. Хорошо, что в то время интеллигенции было преобладающее количество, и, потому, на уравнении можно было существовать. Но если бы картина была иного рода, то многим рабочим пришлось бы работать. Возможность заработка в Архангельске имелась, так как губернатор Энгельгардт препятствий особых не ставил. Примером, кроме упомянутых товарищей, может служить и то, что тов. Евг. Г. Богатырев был заведующим мастерскими архангельского порта; несколько человек из интеллигенции работало в конторах и чертежной жел. дороги: Бельский—бухгалтером у Суркова, братья Масленниковы готовили чертежи по установке электрического освещения на лесопильных заводах, студенты-медики работали фельдшерами на рыбацких станицах Поморья; один даже уехал матросом на парусном судне и был в заграничном плавании, многие же товарищи находили разную работу.

Помню, в 1898 году к нам в Архангельск прислано было человек десять ткачей из Ярославля, сосланных за участие в стачке. Публика совершенно темная, малограмотная. Из всех их выдавался своей внешностью старичок-ткач; он был типом середняка— и от крестьян не отстал, и к фабричным не пристал. Был он бобылем, но воспитывал при себе внука, мальчика лет 12-13. Вот этот-то мальчик читал старику книжки. Внук ему случайно прочел место, отмеченное мною синим карандашем, из «Истории Европы» Сеньобоса, о том, как английское правительство расправлялось с рабочими трэд-юнионистами. Старик так и просветлел: «знать за правду рабочих преследуют не только в России, а вот и в Англии!»... Всех их распределили по разным уездным городишкам Архангельской губернии. Все эти ярославские ткачи присутствовали на похоронах Марии Германовны.

Мария Германовна—по фамилии ее никто не называл—была выслана в Архангельск на пять лет; по какому делу—не знаю. Жила она очень уединенно. Когда я приехал в Архангельск, к ней редко кто ходил, если же кто и ходил, то большей частью рабочие. С интеллигенцией она почему-то не ладила, в особенности— с женским персоналом. Она была очень начитанным и дельным товарищем. В мою бытность в Шенкурске, по отношению к ней

в колонии ссыльных разыгралась целая история. За то, что она подала в суд о взыскании долга с одного товарища, колония ссыльных постановила ее исключить. Но это продолжалось недолго. С наплывом новых товарищей, дело было пересмотрено в новом составе суда, который установил, что суд был пристрастным, и она была принята в колонию. Никаких особых наклонностей к меланхолии я у нее не замечал, но держалась она особняком и заметно было, что чем-то она не удовлетворена. Самоубийство ее для меня и для многих было необ'яснимо, так как с нами она часто говорила о своей будущей работе. Поскольку я мог узнать от других, причиной ее самоубийства было самоубийство Федосеева в Сибири, по какому поводу и по каким причинам,—определенно сказать не могу. Хоронила ее, конечно, вся колония. Вышеупомянутый старичок с таким рвением пел тонким фальцетом «Святый Боже, святый крепкий», что невольно оборачивались посмотреть, что это за баба поет... Похороны Марии Германовны были вторыми похоронами.

Первый раз мы хоронили тов. Григорьева, разжалованного офицера, одессита. Он прибыл в Архангельск в последней стадии чахотки. Прибыл весной 1897 года, и вскоре скончался. На его похоронах вышло нечто вроде демонстрации, так как все собравшиеся на кладбище, при закапывании гроба, вдруг пропели—«Вы жертвою пали». «Батька» донес жандармам, но околоточный, сопровождавший процессию, доложил губернатору, что все обстоит благополучно. Пошел слух, что жандармы хотят поднять дело, но так ничего и не вышло. При обсуждении на общем собрании ссыльных, как держать себя, мнения разделились. Одни говорили, что раз сделали дело, то нужно иметь мужество и сознаться в этом, а другая часть стала это отрицать. Я и другие рабочие придерживались того мнения, что дело не в мужестве, а в том, что, признав демонстративное пение на кладбище, мы тем самым даем лишний козырь жандармам и «батьке» в их борьбе с губернатором. На чьей стороне оказался перевес, я теперь уже не помню, но, кажется, вторая точка зрения одержала победу. Квартиру Григорьева решено было продезинфицировать и заново оклеить общими силами. Волонтеров нашлось много, но работу эту пришлось проделать лишь Антушевскому, Копчинскому и мне.

Следует еще упомянуть о нашем докторе Сергее Федоровиче Галюне. Он был разжалован из военных докторов и, кажется, сослан в Архангельск на пять лет из Западного края, из Гомеля или Витебска. Это был человек, готовый делать все, не щадя своей жизни. К нему обращались за денежной помощью в «минуту жизни трудную», так как все знали, что он имел деньги, получая их за визиты, которые делал архангельской буржуазии. Жил он в Соломбале; соломбальцы хорошо его знали, так как с бедных соломбальцев он платы не брал и к нему много такого народу ходило. Лечил он даже судовые команды, да вдобавок еще и нас, также задарма. Доктора «Галюнчика», как его звали, можно было всегда встретить торопящимся кого-нибудь лечить. Поскольку я слышал впоследствии, по отбытии ссылки, он сложил свою голову на медицинском поприще. Местные архангельские доктора отказались делать операцию женщине, так как была опасность заразиться самому оператору. Он эту операцию произвел, спас больную, но сам заразился и умер.

Всех ссыльных товарищей перечесть не в состоянии, так как с многими у меня было только шапочное знакомство. Некоторых я уже перечислил, а теперь перечислю тех, с которыми, так или иначе, приходилось сталкиваться по разным поводам. Из польской части колонии помню Бейна, который говорил только тогда на собраниях, когда это относилось к делу; он являлся неизменным представителем от польских товарищей, которые редко ходили на собрания, говоря, что не понимают по-русски. Все другие поляки занимались торговлей, пооткрывали магазины с варшавскими товарами на товарищеских началах. Из русских товарищей выделялся еще Давыдов—москвич. Он был противник «экономического материализма» и выступал как выразитель вновь нарождавшегося течения «нео-кантианцев». Происходили целые состязания, которые охотно посещались, так как противником его выступал Антон Васильев, перебравшийся из Шенкурска; Васильев был ядовит и горяч, Давыдов же старался быть хладнокровным. Мы, рабочие, Васильева еще понимали, но когда говорил Давыдов, то хоть убей,—почти ни слова. Он так сыпал иностранными терминами, что, в конце концов, и мы отвадились. В наших головах плохо укладывались философские системы. Они надоели мне

еще в предварилке; к Спенсеру же я чувствовал какое-то физическое отвращение: когда я читал его в предварилке и почти ничего не понимал, вследствие терминологии, то у меня явилось даже странное предположение: да в уме ли я? Бросил Спенсера, и все пошло хорошо. И вот, как заговорит, бывало, Давыдов о «гипотезации абстракций», так у нас сейчас же отпадает охота ходить. Вообще, философия нас в то время не интересовала. Я высказывал мнение, что лучше не устраивать подобных прений, а поговорить о практической деятельности: как мы будем действовать после окончания ссылки; какое место отведем агитации, о способах издания подметной литературы, брошюр для рабочих, газет и т. п. Но так как публика была всяческая, то такого рода разговоры пришлось вести в очень ограниченном кругу. Помню, однажды, была у нас устроена беседа на одной из квартир ссыльных. На этом собрании присутствовало порядочное число ссыльных: из рабочих—Антушевский, Хозецкий, Копчинский, Шестаков (архангелогородец), я; из интеллигенции—братья Масленниковы, Малченко, Кишкины (муж и жена), Богатырев, Галюн и другие. Крупные разногласия вызвал вопрос о том, как отнестись нам к тому, что если во время революции народ или рабочие начнут вешать лиц, против которых они имеют какое-либо неудовольствие? Одна часть говорила, что личных (в смысле коллектива) расправ быть не должно, а другая часть стояла за то, что хоть это и не хорошо, но, так как мы не сможем регулировать все движение в первые дни, то такие случаи неизбежны и могут совершаться у нас на глазах; особенно противиться этому не приходится. Неужели мы стали бы защищать жандармерию и деятелей царского режима от народной грозы? Нет,—говорили мы, рабочие, хотя и признавали, что отдельные капиталисты неповинны в капиталистическом строе; простому народу и обыкновенным рабочим трудно разобраться в этом вопросе. Он видел все время непосредственно одно лицо, которое его эксплоатировало, и если ему представится случай сорвать на нем свои невзгоды, то это вполне естественно; особенно противиться этому нечего, и сожалеть не о чем. Вопрос этот так и остался открытым; но рабочие думали, что такого рода действиям не надо особенно противиться, но и не следует вызывать. Никто из присут-

ствовавших и не воображал, что еще при его жизни придется встать в вышеописанное положение.

На этом собрании обсуждался также вопрос, как лучше «доехать» мужика нашей пропагандой. Особых методов не высказывалось, но намечалось, что хорошо бы воспользоваться теми местами и пунктами, куда крестьянский пролетариат стекается для найма на земледельческие, на строительные работы и тому подобное. Конечно, в то время протоколов не вели и вопросы строго не намечались заранее, а каждый высказывал свое мнение или вносил свое предложение, когда к этому представлялся случай или сама жизнь выдвигала его. Мы все признавали трудность «доехать» мужика, но считали, что можно и легче всего—через тот же фабричный и заводской пролетариат. И этот вопрос также остался открытым. Сама жизнь должна была его разрешить.

Таким образом протекала жизнь в ссылке: работал за станком и умственно, революцию же «пущать» приходилось мало. На ссылку пожаловаться не могу: она дала мне многое в смысле умственного развития, так как я прочел много книг, которых не прочел бы без ссылки. А во-вторых, ссылка дала мне обильный материал для наблюдения над нашими политическими деятелями. Не знаю почему, но у меня получилось такое впечатление, что часто «из комара слона делают» и на вопросы и действия, которые в сущности выеденного яйца не стоят, обращают чересчур много внимания, и этим портят себе жизнь. Ореол «святости» интеллигенции поблек, и я решил в моей будущей деятельности иметь как можно меньше дела с интеллигенцией. И, если можно так выразиться, то и совершенно обойтись без нее. Но это было невозможно, так как рабочее освободительное движение нуждается в перебежчиках из буржуазии; они нужны, как рыбе нужна вода. Перебежчики из буржуазии, которые сожгли за собой корабли,—это революционные дрожжи для рабочего движения. Без перебежчиков из буржуазии к пролетариату у рабочего класса не было бы той литературы, которая тогда у нас имелась. Р а б о ч и й, понимая под этим словом человека, который работает на заводе у станка, не смог бы дать того умственного материяла, который дали перебежчики. Фабрика и завод его пригнетают, самые лучшие годы и лучшее время он проводит на них;

кругозор его сужен; непосредственный враг его—наниматель, фабрикант, а для того, чтобы рабочий мог додуматься до понятия класса капиталистов, ему требуется много времени; далее, образование его слишком бессистемно, чтобы он мог из конкретных фактов выводить заключения, для этого требуется известная подготовка. Что бы было с рабочим движением, если бы не было таких перебежчиков из чужого лагеря, как К. Маркс, Фр. Энгельс, Ферд. Лассаль, Либкнехт (отец и сын) и другие? Даже если взять в соображение Бебеля, то и он является лишь доказательством общего правила: он стал известен как писатель и оратор лишь после того, как бросил станок и фабрику, т.-е. когда освободился от гнета завода. Чисто рабочее движение не может существовать без того, чтоб оно не превратилось в рабочее движение, подобное английскому рабочему движению, к которому я вернусь еще в моих воспоминаниях об Англии. Здесь же должен заметить, что такая попытка была и у нас, и вылилась в форму «экономизма». Этому много способствовала книга Сиднея и Беатрисы Уэбб, переведенная на русский язык и вышедшая в 1898 или 1899 году. Главный чарующий эффект книги заключался в вопросах о коллективных действиях, коллективных договорах, союзах, стачках, а для интеллигентного рабочего—в «прекрасных перспективах» в смысле продвижения по делам союзной службы до поста рабочего вождя.

Проработав у Ульсена до окончания ссылки и передав кружок из рук в руки, я в сорокаградусный мороз отправился из Архангельска в Саратов,—единственное место, куда можно было двинуться, после всех ограничений в'езда, которые мне были об'явлены департаментом полиции. Кроме этого, направился я туда еще и потому, что мне дано было рекомендательное письмо товарищами уральцами, прибывшими из Челябинска, к управляющему прокатным цехом на Волжско-Стальном заводе. Фамилию этого товарища не помню, но он прибыл в Архангельск в одно время с товарищем А. Беляковым, сотрудником «Известий В. Ц. И. К.». Тов. Беляков прибыл в Архангельск в 1898 году.

Приезжаю в Саратов на Волжско-Стальной завод. Оказывается, там слежка начальства: уральцев удаляют и заменяют их сормовцами и сулинскими. Сормовцами—в механическом цехе, а

сулинцами—в прокатном. Как я потом узнал, директору завода было подложено полено, начиненное порохом, с тем, чтобы оно взорвало печь в его квартире. Полено попало под распилку и порох было обнаружен. Поводом для этого послужило понижение расценки проката, которое было введено директором. Что ж делать?—Смена, так смена! Пробую поступить в механическое отделение. Поступаю, но попадаю из огня да в полымя. Меня саратовцы приняли за сормовца. Об этом я узнал через несколько дней, когда обратился к соседу по станку за раз'яснением, за что меня бойкотируют. Принял меня новый мастер, а значит я его ставленник. После же моего об'яснения, кто я такой и откуда, оказалось, что мой сосед один из оставшихся после разгрома Саратовской организации в 1898 году, а также и мой сменщик. У них, оказывается, вся организация была выдана провокатором.

Следовательно, надо было приняться за новую организацию из новых или старых сил. Нащупываю почву. Познакомился с уральскими рабочими, но элемент—или очень хвастливый, или осторожный. Дело шло туго. Жду у моря погоды. Так проходит зима, наступает 1 мая. Решаемся, совместно с двумя другими рабочими механической мастерской, испробовать настроение. Пошла агитация за празднование 1 мая 1900 года. Навели справки в других цехах, но там все было мертво. Решаем отпраздновать хоть кустарным образом. Выходим на работу 1 мая утром и решаем с обеда загулять. В механическом цехе удалось вполне. Цех весь стал: кто отправился домой, кто в город, а кто посознательнее—отправились на соседнюю дачу. Речи были произнесены, но их никто не записал, и потому в литературу они не попали. При этом выяснилось, что сознательно относящихся к 1 мая в механической мастерской было порядочно. На следующий день заводское начальство подвергло рабочих репрессиям, и все невышедшие потерпели штраф, в остальном все обошлось благополучно.

Забыл упомянуть, что в 1899 г. у уральца-химика (Дмитрий Степанович, фамилию не помню), жившего в квартире моей хозяйки, был произведен обыск. Ничего не нашли и оставили его в покое. Был приказ из Златоуста обыскать его. После этого, он уехал в Златоуст и поступил в артель кустарей. Вообще, с уральцами у меня много было споров: в большинстве случаев они были

народовольцами, с примесью экономического террора. Меня и с.-д. они обвиняли в разменивании на мелочи, в погоне за теплыми местечками постепеновщине и чуть ли не в сообществе с классом капиталистов. Это обвинение мне пришлось слышать впоследствии от анархистов, в другой части света, как от русских, так и от иностранных. Но удивительно, что эти люди, со всей своей «универсальностью», никогда дальше «десятка» в своих организациях не шли. Они были настолько «универсальны», что весь свет заключался только в них самих. Скоро уральцы все перебрались к себе на Урал.

Через одного саратовского рабочего узнал, что в Саратове есть ссыльные рабочие из Колпина. Знакомлюсь. Оказывается, их тут целая куча из разных городов: Москвы, Питера, Колпина, Иваново-Вознесенска, Ростова на-Дону и из Варшавы. Все работают по разным заводам: у них есть кой-какие связи с местными рабочими. Из Колпина были: Петр Соколов, Михаил Иванов, Василий Ефимов—чертежник; из Питера—Петр Давыдов; из Москвы—Трусов, Тимофеев и третий, по прозванью «Первобытный»; из Иваново-Вознесенска—Семен Воронин и жена его Екатерина, ткачи; рабочий Егоров, по прозванию «Херувимчик»; два модельщика: Семен, по прозванию «Лилипутик», а другой Семен—«Древогрыз»; из Ростова на-Дону—Пантелеймон Денисов, Морозов (не знаю откуда), по прозванью «Мефистофель»; Гачинский, слесарь из Варшавы. Конечно, всю эту публику я узнал после переезда на жительство в город, что случилось после того, как на заводе наступил кризис и нас почти всех уволили. До переезда в город, в 1899 году, у меня также был обыск. Обыскали, забрали все бумаги и фотографии. Станового я заставил приложить печать к шнуру, продетому через все мои письма и бумаги. Удивлялся, зачем такая щепетильность. Я об'яснил, что с синими мундирами надо быть осторожным.—«Значит вам приходится с ними не в первый раз дело иметь?» Едем, ломаю себе голову: за что—про что? Никак не могу придумать.

На другой день утром дело об'яснилось просто. Обыскали и арестовали, по приказу из Твери. Что за оказия, в Твери никогда не был? «А вот это письмецо узнаете?..»—Мое.—«Фунтикова Сергея знаете?»—Знаю.—«Как и где познакомились?»—Да сама жан-

жандармерия познакомила, в этапе тогда-то.—Удовлетворились. Фунтикову я писал письмо. Пока оно шло, его арестовали в Твери, по делу типографии, открытой где-то в имении какого-то князя. Письмо попало к жандармам, вместе с моим адресом. С тех пор о Фунтикове я больше не слышал. Знаю, что сестра Морозова Петра, в то время—жена Фунтикова, писала мне, что он все еще сидит. Это было осенью 1899 года. Что с ним случилось впоследствии—не знаю. Жандармы меня выпустили.

В 1900 году, после маевки, завод пошел на сокращение производства, и я из слободки перебрался в город, так как поступил в техническое училище токарем; но там продержался недолго и перешел на работу к Гантке, на гвоздильный завод. В городе жил на Очкином месте, рядом с железнодорожными мастерскими. Об организации кружков в то время никто и не думал, так как, кажется, время само изжило их. Переходили от кустарничества к крупному производству. Налаживался рабочий комитет из ссыльных элементов. Литература нелегальная шла нарасхват. Только давай! Поговаривали о создании рабочей газеты. Наступает 1 мая 1901 года. Решили выпустить прокламацию, призывающую к празднованию 1 мая и об'ясняющую его значение для рабочего класса. Прокламации были расклеены по городу и подброшены в жел.-дор. мастерские и другие заводы накануне 1 мая. Охранка ощетинилась, нагнала жандармов и полицию по мастерским и заводам. Вообще, отпраздновать не пришлось. Кое-кто ходил на собрание в лес, но публика проплутала зря. Рабочим Гантке было об'явлено, что если кто не выйдет на работу после обеда, тот будет немедленно рассчитан. Рабочие все вышли, и маевка не удалась. Зато 1 мая, более сознательною частью рабочих Гантке, было отпраздновано в первое воскресенье: собрались рядом, в лесу, где раз'яснялось более подробно значение 1 мая. Потом несколько раз ездил я с ними на острова читать нелегальщину.

В этом же году, после мая, окончательно формируется рабочий комитет из ссыльных рабочих. Налаживается связь с интеллигенцией, как необходимой помощницей в этом предприятии. Готовимся к изданию рабочей газеты. Ведем переговоры и дискуссии о том, что газета должна быть чисто рабочая, содержащая простые статьи, понятные для рабочих, что она должна об-

служивать и об'яснять заводскую жизнь с точки зрения с.-д. Полемики не допускать ни в коем случае. Начато. Газета выходит под названием «Рабочая Газета», рукописно-гектографированная. Никак не могли достать машинку. Летом этого же года была стачка и в Саратове. Две—в железнодорожных мастерских; были выпущены прокламации. Гектограф работал во-всю. Также и расклейщики. Никто не попался, несмотря на то, что около железнодорожных мастерских были расставлены караульные, сторожа и жандармы, особенно вблизи заборов. Прокламации были расклеены и по городу; даже одному дворнику, прикурнувшему немного, наклеили прокламацию на спину, и он довольно долго расхаживал с нею. Город был об'явлен на охранном положении. Не помню, отмечено ли было особой прокламацией об'явление города на «охранном положении». За первую стачку никто не пострадал, за вторую поплатился арестом Михаил Иванов, работавший в то время в жел.-дор. мастерских. Во время этих стачек все хорошо работали, даже с.-р. здорово помогали нам. Надо сказать, что к этому времени Михаил Иванов (колпинец, ссыльный) перешел к с.-р., вероятнее всего потому, что его темперамент больше подходил к с.-р-ам. Кроме железнодорожной стачки, была стачка на механическом заводе Беринга, но, так как у нас связи с Берингом были плохи, то на нее особенно мы повлиять не могли. Да она и продолжалась только несколько дней. Из нас никто не пострадал, да, кажется, и из рабочих никто не поплатился.

Комитет рабочих состоял из следующих товарищей-рабочих: Семена-Лилипутика, Семена-Древогрыза, Семена Воронина, Морозова-Мефистофеля, меня, Пантелея Денисова, двух представителей от интеллигенции—Фофанова и, кажется, Портных, а впоследствии входила еще и Наталья Григорьева, приехавшая из Сибири в 1901 г. и служившая нам связью с с.-р. В конце лета 1901 г. предполагалось кооптировать Кудряшева, местного рабочего, и Василия Ефимова—колпинца ссыльного. Из интеллигентов с.-д. помню в то время Архангелыского, сестру его Архангельскую, Ошанину, Чубареву или Чубаревскую. С августа 1901 года я уже активного участия не принимал в рабочем комитете, так как мне официально было об'явлено, что через месяц я должен оставить пределы Российской империи добровольно, или же я

буду выслан этапом до германской границы. Конечно, я решил ехать добровольно, а то пришлось бы попасть в лапы кейзера— перспектива, не особенно улыбавшаяся мне, так как, кроме солдатчины, в Германии мне улыбалось еще и тюремное наказание за неявку на военный набор. В это время мне уже исполнилось тридцать лет. Выбрал Англию и начал готовиться к от'езду. Ехать приходилось сам-друг с женой. С нами же ехал второй раз в Англию Александр Иванович Хозецкий, бывший со мной в ссылке. К концу сентября все было устроено,—дали мне везти с собой семь номеров «Рабочей Газеты», рекомендательное письмо к организации «Искры»; Наташа Григорьева дала адрес Тахтарева в Лондоне. И вот мы тронулись в путь.

В половине 1901 г. к нам стала попадать «Искра» более или менее регулярно. Шла она через иностранных с.-д., а от с.-р. мы получали брошюрки, издаваемые в Лондоне «Аграрной Лигой». Каково же было отношение рабочего комитета к «Искре»? Мы считали ее боевой революционной с.-д. газетой, но уж чересчур умственной, для широкого распространения негодящейся. Она хороша была, как направляющий партийный орган, хороша для развитых рабочих, могущих уже разбираться в сложных вопросах полемики. Наш взгляд на «Искру», каким-то образом, проник в один из номеров «Рабочей Газеты». Мы этим были недовольны, так как совершенно не желали в нашей «Рабочей Газете» подымать какую-либо полемику. По поводу этой заметки «Искра» дала нам хорошую отповедь. «Позвольте сметь свое суждение иметь»—так была озаглавлена эта отповедь. На эту отповедь мы ничего не ответили. Кроме «Искры», мы также получили «Рабочее Дело» и другие брошюры из-за границы. За несколько дней до моего от'езда получился первый номер «Зари». Пришлось мне проглотить ее чуть ли не в один день, так как на нее много было охотников. Помню, у меня в голове остался какой-то сумбур. Только за границей я ее вполне оценил. К нам, в Саратов, заглядывала иногда и «Рабочая Мысль». Большого значения ей, как мне помнится, мы не придавали, да и вообще она не производила особенного впечатления; в ней не чувствовалось чего-то взбудораживающего, захватывающего. Через рабочих саратовцев, имевших связь или родственные отношения с крестьянами, мы распростра-

няли и эс-эровские издания «Аграрной Лиги». Отказываться распространять их мы не могли, так как нам приходилось пользоваться их услугами. Вообще же мы ощетинивались каждый раз, когда они хотели навязать нам строго-определенную тактику.

Помню, что с Наташей Григорьевой у меня были стычки по разным вопросам. В крестьянском вопросе мы диаметрально расходились. По вопросу об отношении рабочих к интеллигенции—мы тоже расходились. Она была чуть ли не поборницей абсолютного руководства нами интеллигенцией. Я и другие, наоборот, считали, что интеллигенция должна нас лишь обслуживать. Интеллигенция не представляла из себя определенного исторического класса, а была лишь прослойкой в вяземском пряннике. Поэтому она должна бы встать на нашу сторону и итти с нами рука об руку, даже более этого—слиться с нами, образуя одну часть революционного движения; мы же, сознательная часть рабочего класса, должны их, в известных случаях, останавливать, а в других случаях подталкивать, для чего, само собой разумеется, мы должны пользоваться своего рода самостоятельностью. Кажется, что весь вопрос заключался в том, какова должна быть эта самостоятельность. Вопрос этот так и не был разрешен; будучи вопросом практики, он мог быть разрешен только в каждый момент и, конечно, различно, смотря по обстоятельствам данного времени. Нам, рабочим, надоело уже все время быть затираемыми то теми, то другими. Неужели для того, чтобы проводить свои идеи, непременно нужно итти к нам и в чем-то нас убеждать. Идите и ищите себе работы среди других рабочих,—их сколько хочешь. Зачем нам быть все время козлом отпущения?

Работа наша продолжалась довольно удачно в смысле конспирации. Жандармерия, конечно, знала об этом, но, надо полагать, среди нас в это время не было провокаторов В самом начале нашей деятельности, в 1900 году, когда я только что переехал в город, жандармерия устроила провокацию, но она не удалась. В Саратове был один ссыльный рабочий Тимофеев, из Москвы. Слесарь по профессии. Выстроил себе слесарную мастерскую и брал подряды на отрады и тому подобные работы. Откуда он доставал нелегальную литературу, никто не мог узнать. Да и образ жизни его нам не нравился, обзавелся дульцинеей, когда в Москве у него

была жена и дети. Все это нас заставляло быть с ним настороже. Нелегальщину мы от него брали, но так как никто ее у себя на квартире не держал, мы думали, что все хорошо. Наступает срок осылки. Он ходит за день или два до от'езда и спрашивает—не возьмем ли у него литературы: «не везти же ее в Москву». Накануне от'езда, он ходит и разносит нелегальщину. Ребята берут, но сейчас же прячут.

У меня на квартире жило трое: я, Михаил Иванов и рабочий из Польши, друг Копчинского; он работал у Гантке. Тимофеев зашел к нам проститься. Мне он ничего не предложил, а дал этому польскому рабочему, сказав, чтобы не говорил никому. Михаил Иванов также взял у него. Поляк-рабочий, на другой же день, роздал на заводе польским рабочим. Михаил же Иванов припрятал. Мне они ничего не сказали. Так как я был против того, чтобы держать что-либо на квартире, где, по оплошности одного, могли попасть все, как кур во щи. В два часа ночи раздается отчаянный звонок. Сразу догадался, в чем дело. Ничтоже сумняшеся, прямо открываю дверь и впускаю несколько синих мундиров. Читается распоряжение произвести обыск во всем доме. Обыскивают. Мы подтруниваем, в особенности я. Выгребают золу, ощупывают стены; заглядывают в сарай, на чердак. Наконец, удаляются, не найдя ничего. После их ухода выясняется, что у нас была нелегальщина; тут же выясняется, от кого получена. Отправляемся наводить справки у других товарищей. Оказывается, обыск был у всех, но ни у кого ничего не нашли. Арестовали только Егорова (Херувимчика) и то потому, что Тимофеев, не застав его дома, подложил ему литературу под матрац. Егоров же, придя домой, прямо удется спать. Так его и накрыли; но хозяйка его показала, что приходил к нему в комнату вечером Тимофеев и, подождав немного, ушел. Таким образом и тут ничего не удалось. В эту ночь произвели обыски: у нас, у Петра Давыдова, у Семена-Лилипутика, Семена Воронина, у Егорова, у Трусова и, кажется, еще у кого-то. У всех,—у кого побывал Тимофеев и у кого, по уговору с жандармами, оставил нелегальщину.

Когда мы все это узнали, Тимофеев ехал уже в поезде из Саратова в Москву; нельзя было не поблагодарить жандармов за то, что они нас снабдили нелегальщиной. На этот раз рыбка не пошла

на рыбака. Этой литературы, когда мы ее собрали, оказалось фунтов десять. С этого времени мы были уверены, что среди нас нет предателей. При этом должен отметить, что и квартирохозяева нам помогали. Хозяин квартиры Трусова имел у себя тайник. Моя хозяйка, Аграфена Григорьева Карпеева, когда мы собирались много раз, брала на себя роль дозорного, обходя в городе дом, и когда мы жили на даче, то обходила дачу. Брат же моей жены, которая тоже участвовала на собраниях, даже собак научил лаять на «блюстителей порядка»: станового, урядника, сотского. Если собаки лаяли отчаянно, безразлично днем или ночью, мы знали, что недалеко где-нибудь «блюститель порядка». На этот счет урядник заявлял даже претензию дачевладельцу. Такой проделке собак и дачевладелец смеялся. Он был старовер. Таким образом рабочий комитет просуществовал до демонстрации в 1902 году, о чем я узнал за границей.

Нами также была устроена демонстрация в Народном театре на Дворянской улице. Демонстрация была против рукоприкладства режиссера и артиста (первого любовника), учиненного им над одним рабочим ткачем, из ссыльных, работавшим за сценой. Демонстрация удалась как нельзя лучше. Какая ставилась пьеса, хорошо не помню—кажется «Лес» Островского. В самый патетический момент вместо аплодисментов—свист всего театра с возгласами: «За рукоприкладство!». Артистами была устроена на сцене контр-демонстрация. Но игра была сорвана; история попала в прессу; да, кроме этого, «первого любовника» притянули к суду. Летом этот Народный театр и сад служил местом свидания рабочих и главным передаточным пунктом. Если нужно было кого увидеть, «Северье» было условным местом. За эту демонстрацию был задержан в театре Семен Воронин, но я и другой мой товарищ с Волжско-Стального завода, Андрей (фамилии не припомню), его выручили, заявив околотку, как лица посторонние, не жившие в городе и потому ему неизвестные, что Воронин сидел с нами рядом, шуму не производил, а был задержан в коридоре, при выходе, дежурным околоточным. Его сейчас же освободили. Видя такую удачу нашей демонстрации, учащаяся молодежь (с.-ры) на другой раз хотела освистать артистку, но это им не удалось и кое-кто за это поплатился.

Кроме этой демонстрации устроена была еще одна в Городском театре против постановки пьесы «Контрабандисты»—явно юдофобского свойства. Так как эта инициатива шла со стороны интеллигентных кругов, то об ней слух разнесся по городу заранее, и жандармерия и полиция были во всеоружии. Когда мы подходили к театру, чувствовалась какая-то особая атмосфера. Площадь очищалась от публики конной жандармерией и полицией. Пропускали только тех, у кого были билеты. У нас был билет в ложу. Явились мы уже поздно, так как пришлось переодеться с работы. К нам в ложу был поставлен синий мундир. В театре вонища—от химической обструкции. Пьеса шла, но в измененном виде, более выпуклые, юдофобского характера, выражения были выброшены. В общем, демонстрация имела кой-какой успех, но сорвать пьесу не пришлось. Было еще скопление публики по какому-то поводу на главной улице, где полиция разгоняла ее, если не ошибаюсь, по поводу сорокалетия со дня освобождения крестьян. Среди учащейся молодежи, а в Саратове ее было много: семинаристы, реалисты, гимназисты, фельдшерские высшие курсы, высшее и среднее техническое училище, акушерки, сильным влиянием пользовались с.-ры. Кроме того, влияние их распространялось и на крестьян, куда и направлялись, большею частью, все брошюры «Аграрной Лиги».

22 сентября 1901 г. я оставил Саратов, вместе с моей супругой Любовью Васильевной, направив наши стопы в Англию, через Варшаву. В Варшаве мы прожили больше недели, дожидаясь прибытия Александра Ивановича Хозецкого. Остановились у родных жены ссыльного—Гачинского. Также видел тов. Бейна, вернувшегося из Архангельска. Собравшись, мы отправились втроем,—переехали в Германию и благополучно прибыли в Англию в Ньюкэстль на Тайне. Выбрали этот город потому, что он был знаком Хозецкому, который раньше там работал и имел связи с английскими социалистами, что было громадным преимуществом, так как это предоставляло нам возможность избежать безжалостной эксплоатации мелких еврейских мастерских в Лондоне. Эти хозяйчики только и жили на счет эмигрантов и, конечно, так их эксплоатировали, как никто. Квалифицированному слесарю платили 15 шиллингов в неделю, что составляло $^{5}/_{12}$ заработной платы

английского рабочего металлиста и $^3/_5$ чернорабочего. Эмигранты и этому рады были в чужой стране, так как это все же было выше домашней заработной платы. Прибыли мы втроем в Ньюкэстль на Тайне с 36 шиллингами в кармане. *Все наше богатство* равнялось 17 рублям. Надо было развертываться и, благодаря англичанам, помощи «Искры» и товарища А. Белякова из Архангельска и Флерова из Баку, протянули до того времени, когда я поступил на постройку таскать кирпичи, а Хозецкий—на завод Армстронга. Благодаря тов. англичанам, знакомым Хозецкого, нам не пришлось работать ниже установленной трэд-юнионами платы: чернорабочему на постройках 25 шиллингов в неделю—за 50 рабочих часов и 36 шиллингов слесарю—за 53 часа.

Прежде чем закончить мои воспоминания, я должен сказать несколько слов о той роли, какую сыграл в моем окончательном развитии, как убежденного поборника революционного марксизма, Вл. Ил. Ульянов. В то время он был полон надежд на скорое осуществление сильной рабочей партии и энергично боролся с народниками и народовольцами. Его мастерское изложение процесса неминуемого перехода земледельческой России к капитализму было для меня столь ясным, что я нисколько не сомневался, что именно русскому пролетариату предстоит сыграть большую роль в рабочем движении всего мира. С этого времени вера в диктатуру пролетариата и неизбежность ее никоим образом не могла во мне поколебаться.

В Англии.

Итак, мы приехали в Англию, в Ньюкэстль на Тайне. Попали мы туда благодаря т. Александру Ивановичу Хозецкому, у которого имелись уже связи с английскими социалистами и заводом Армстронга. При содействии английского союза, я получаю работу на постройке: таскать кирпичи, мешать цемент, убирать и строить леса. По получении работы, что в Англии значит очень многое,—снимаем квартиру, обзаводимся кой-какой мебелью. Конечно, положение наше не блестящее, но все-таки кое-как ухитряемся прожить втроем на 25 шилл. в неделю, пока тов. Хозецкий не поступил на завод Армстронга. Через некоторое время и я попал туда. Поставили меня работать с ним. И вот к рождеству 1901 г. мы получили громадный заработок: 3 ф. ст. 12 шилл., ми-

нимум заработной платы, требуемый союзом для слесарей, т.-е. 36 шилл. за 53 раб. часа в неделю. Вскоре, как хорошим работникам, нам прибавили: Хозецкому—4 шиллинга, а мне три, чего ни один английский слесарь в то время не получал.

И миф о превосходстве английского рабочего над русским слетел с пьедестала. Не потому, что мы обладали качествами специалистов, а просто потому, что наша система обучения ремеслу была более обширной, чем английская: мы были более артистичны в изыскании средств и приспособлений для обхода ручной работы. Английские рабочие смотрели на нас косо, так как это увеличивало производительность, что по английским правилам профсоюзовской этики было против них, ибо с увеличением производства уменьшались шансы на получение работы безработными членами союза. И потому нас бойкотировали даже те англичане, которые до этого общались с нами и на которых за это смотрели косо. Но ни один из них не предложил нам вступить в союз, просто потому, что боялись, что мы на них донесем, и смельчака рассчитают. С Хозецким же мы часто обсуждали вопрос о вступлении в союз, но все откладывали. Со временем мука перемололась и отношения кое-как наладились, и я сам спросил одного англичанина, не примут ли нас в члены союза.—«С радостью»,—отвечает. «Но почему же,—спрашиваем,—никто из вас не заикнулся на этот счет?»—«А потому, что у союза с капиталистами существовал уговор не оказывать давления на рабочих в этом отношении». Мое добровольное желание вступить само собой разрешало этот вопрос.

К этому времени, т.-е. к концу 1902 г., тов. Хозецкий захворал воспалением слепой кишки. Доктор был настолько опытен, что лечил его от воспаления почек; когда же узнал истинную причину болезни, то было уже поздно. Сделали в больнице операцию, но это оказалось бесполезным, так как нарыв лопнул и гнойник был всосан кишечником. Через несколько дней он скончался и похоронен на Elswick Cemetary.

Тов. Хозецкий уроженец г. Козельска. Мать его добывала себе средства к существованию, как хорошая повариха. Одно время она жила с сыном в Архангельске, где он отбывал ссылку. Он был сослан из Москвы в 1897 г., совместно с другими москви-

чами. В момент его кончины она жила в Петербурге и была так добра, что отыскала моего младшего брата Федора, присматривала за ним и даже помогла пристроить его, через Владимира Князева, на завод или в электро-техническую мастерскую. Куда она выехала из Петербурга, я не знаю, так как она была безграмотна.

В этот период времени, я завел связь с «Искрой», которую регулярно получал через т. Алексеева. Он также снабжал меня номерами журнала «Заря», за изучение которого и я принялся. Завязал сношения с Тахтаревым (Тар). Технических партийных обязанностей никаких не исполнял, так как, во-первых, мне не предлагали, а, во-вторых, в Ньюкэстле почти никого из русских не было, если не считать некоторых евреев ремесленников. Научившись достаточно английскому языку, я решился с'ездить в Лондон. Сказано—сделано. Познакомился лично с Алексеевым, с т. Тахтаревой, с самим же Тахтаревым я был знаком еще по Петербургу. Там я предложил свои услуги в экспедицию «Искры», которой заведовала т. Тахтарева. Уговорились, что и как, и дело завертелось. К этому времени у меня и с английскими товарищами социалистами местной самостоятельной ячейки дело наладилось и я пускал их в работу. Один наборщик устроил небольшой ручной станок и печатал конверты с адресами фирм. В этих конвертах рассылалась «Искра». Мы с женой «Искру» немного смачивали, прокатывали в катке и, высушив, заклеивали в конверты. Другие англичане опускали эти конверты в разных местечках и таким образом получалась каждый раз новая почтовая отметка тому же адресату. В этом нужно было отчитываться, и мы с женой получили даже похвалу. Так продолжалось вплоть до 1905 года [1]), когда заграничное издание «Искры» прекратилось, вследствие наступления революционного периода в России.

Думаю на этом и остановиться и дать волю перу для описания того, что я нашел в рабочей Англии.

Мои письма о рабочей Англии, которые я посылал товарищам в Россию, казались им преувеличением, извращением, незнанием еще рабочей Англии и т. п. Получал я такие ответы потому, что мои письма разбивали идол Англии, получавшийся при чтении рус-

---

[1]) Как известно, последние два года „Искра" находилась в руках меньшевиков. *Ред.*

ских книг о ней, в которых все было хорошо, прилично, культурно, цивилизованно и т. д. Даже теперь, вернувшись обратно после двадцатилетнего пребывания в Англии, я нахожу, что предубеждения все же остались и, к сожалению, не только среди обыкновенных обывателей, но даже среди наших коммунистов, которые так и рвутся попробовать европейской цивилизации. Я не завидую им, но при условии, чтобы они добывали хлеб свой насущный своим собственным горбом, а не на счет разных миссий, комиссий и т. п. Большинство из них (95 из 100) пожелает вернуться домой, но пусть опять едут только на свой счет. А прокатиться с миссией, когда ничего плохого случиться не может—и ведьма покажется красавицей!

Итак, мои первые впечатления об Англии были исключительно внешние. Все закопчено до неузнаваемости материала, из которого построено здание. Дома низенькие, одинаковой архитектуры целые кварталы. Я много раз удивлялся, каким образом люди находят свои квартиры. Еще ничего, когда по две двери рядом; а то в большинстве по четыре: две для жильцов нижнего этажа и две для верхнего. Улицы узкие, грязные. Народ снует по всем направлениям, торопясь. Воочию представилась мне английская поговорка: «деньги—время».

Сейчас же у станции, по выходе из поезда, вас обступает толпа оборванных ребятишек. Они настолько грязны, что удивляешься, где же знаменитая английская чистоплотность? Штанишки рваные, сзади торчат рубашки, босые. Нигде при нашем проезде не было столько оборвышей, сколько оказалось их в Ньюкэстле на Тайне. Да и вообще существует ли где-либо в Европе столько ребятишек, бегающих по улицам? Куда ни ткнитесь, всюду попадаются ребятишки, предлагающие газеты, спички, спортивные карточки, об'явления и тому подобные вещи. Сразу чувствуешь, что тут что-то не ладно. Продолжаешь итти из центра города к окраинам и тут картина не многим меняется. Улицы делаются чище, но—такие же толпы ребятишек. Домики менее закопчены и более новой конструкции. Такая же однообразная архитектура, но продолжающаяся не во всю улицу, а только на один или два квартала, после чего изменяется немного, а далее еще немного. при чем принцип постройки не нарушается.

Когда же вы выберетесь совсем за город, то там уже и улицы, и архитектура домов, и их расположение совершенно меняются. Это местность, где живет мелкая и крупная буржуазия. Тут уже грязных ребятишек не встретишь. Все чистенько одеты, и говорят-то они иначе, чем другие ребятишки. Они и румяны, что сразу доказывает достаток родителей. В рабочих кварталах грязные бабы и девицы в заплатанных кофточках и юбках; некоторые прямо подоткнуты булавками больничного образца, но обязательно с завитушками в волосах и в шляпе: это носильщицы грязной рабочей цивилизации.

В этой рабочей цивилизации можно увидеть такие картинки, каких вы нигде в России не увидите, разве только в таких местах, в которые даже русские рабочие боялись ходить.

Со вступлением в союз «Об'единенных машиностроителей» (Amalgamated Society), мои отношения с рабочими сравнительно улучшились. Они так или иначе были недурно осведомлены о положении вещей в России. Свои сведения о России они почерпнули из той агитации, которую в свое время проводил Петр Кропоткин по всей Англии. Поскольку я слышал от англичан в Ньюкэстле, Кропоткина выручил английский гражданин Роберт Кауен (Robert Cowen), когда П. Кропоткин был приговорен в Париже к тюремному заключению. Кауен внес за него залог и этим способом дал ему возможность выехать из Парижа и остановиться у него на квартире. Роберт Кауен был в то время радикалом. Будучи богат, он основал ежедневную газету «Newcastle Daily Chronicle» и вечернее издание той же газеты «Newcastle Evening Chronicle». В этих газетах он открыл столбцы для Кропоткина.

Он также начал защищать интересы местных углекопов. Столбцы его газеты, особенно в вечернем издании, были посвящены пропаганде и организации среди шахтеров. Эта газета сильно поддерживала кандидатуру в парламент секретаря нортумберландских углекопов Томаса Бёрта (Thomas Burt).

Биография этого Томаса Бёрта интересна. Он сын углекопа, с 12 лет пошел работать в шахту, когда еще в копи спускались по лестнице. С ранних лет его влекло к ученью. На гроши, получаемые от родителей, он покупал книжки, совершая для этого прогулки в Ньюкэстль по 20 верст в конец. Потом он стал орга-

низатором союза нортумберландских углекопов, а потом и их секретарем. Роберт Кауен также помогал ему в своей газете. Это было в 1870 г. В то время английский рабочий после реакции, наступившей вслед за чартистским движением, был поднят на ноги I Интернационалом. Английская секция I Интернационала была правой окраски и в конце концов откололась. Впоследствии она совсем сошла со сцены и подпала под влияние либеральной партии. Но семя независимости, брошенное I Интернационалом, все-таки в трудные минуты начало давать ростки. Наступила волна независимости рабочих: замечтали о том, чтобы иметь своих представителей в парламенте. Вот Томас Бёрт и был выставлен одним из таких кандидатов. При поддержке Роберта Кауена и его газет он был выбран в парламент, и с тех пор бессменно представлял свой избирательный — чисто углекопный — округ Морпит (Morpeth). Я с ним встретился в 1906 году на одном собрании, о котором скажу особо. Но замечательно, что после такой небольшой вспышки самостоятельности английского рабочего, это движение опять свелось ни к чему и подпало под влияние либеральной партии. Томас Бёрт тоже в конце концов перешел к либералам. Этим и об'ясняется его продолжительная парламентская несменяемость, вплоть до 1919 года, когда он по старости лет уступил свое место другому углекопу, выбранному уже под знаменем «Рабочей Партии».

Но почему же английские рабочие так плохо поддаются отделению их от капиталистических партий? Для этого есть много причин, из которых я постараюсь указать некоторые. Во-первых, потому, что политические партии в Англии очень дорого стоят; во-вторых, капиталистические партии в своей борьбе должны были прибегать к поддержке рабочих и, таким образом, в своих программах выставлять рабочие требования; в-третьих, английские рабочие, как пионеры движения, должны были опираться на свои собственные силы, так как интеллигентных перебежчиков из другого лагеря у них почти не было, а если и были, то они за собой кораблей не сожгли; в-четвертых, не имели революционных традиций, так как вся английская история знает только борьбуториев и вигов, которые в силу обстоятельств были то с рабочими, то против них. Если и имеются какие-либо традиции у английского

рабочего, то это традиции трэд-юнионистов, традиции рабочих ремесленных гильдий. В-пятых, потому, что промышленное развитие шло очень медленно, и Англия, как первая промышленная страна, в состоянии была оплачивать свои рабочие руки относительно лучше других стран, что послужило развитию ложного патриотизма и самодовольства среди рабочего класса. Требуя улучшения своего положения, они могли ссылаться только на вздорожание продуктов первой необходимости, а не на то, что там-то получают больше, или работают меньше. Недовольные же ехали в колонии, а более энергичные оставляли родину и эмигрировали, кто в Америку, кто в Австралию. В-шестых, географическое положение и климатические условия действовали на темперамент нации—собраться, поговорить, провести резолюцию, а потом о ней и забыть: «у нас еще не горит», «мы не такие люди, как на континенте», «у нас все потихоньку и по хорошему, если капиталисту живется хорошо, то и нам не плохо—работы вдосталь. А чего же нам больше надо?».

Борьбаториев и вигов (борьба земельной аристократии с промышленной буржуазией) заключалась только в борьбе за политическую власть, без изменения экономических основ. Тори и виги (они же либералы) в борьбе за парламентскую власть должны были обращаться к пролетариату, обещая ему реформы, которые им не трудно было провести. Консерваторы (они же тори), представляя аристократию, проводили законы, урезывавшие аппетиты либералов, представителей промышленного капитала. Они провели фабричное законодательство и закон, ограничивающий детский труд; законы о свободе союзов и другие законы, которые консерваторов не ограничивали в правах. Они также провели реформу избирательного права, дав косвенный ценз городскому пролетарию, который вообразил, что посредством избирательного листка он сумеет сам себя поставить у власти. Когда же овладевали властью либералы, то они издавали законы, сокращающие права аристократов, и в пику им распространили избирательный ценз и на земледельческие округа, сократив при этом большое количество таких мест, где избирателями были только несколько человек. Либералы признали свободу союзов, но потом провели добавления и раз'яснения, ограничивающие не только свободу союзов, но и

свободу стачек, право пикетирования и устройства демонстраций против штрейкбрехеров; участвовавшие в демонстрации уголовно преследовались, а союз мог даже быть привлечен к возмещению убытков, полученных капиталистом от стачки. Это и было то время, когда Томас Бёрт попал в парламент. Какая из господствующих партий провела замену открытой баллотировки тайной, сказать определенно не могу. Кажется, обе партии, возмущенные актами насилия, совершаемыми их агентами, молчаливо согласились и провели эту реформу, слегка пощекотав друг друга словами: «Ведь все так и останется по старому. Рабочие будут в наших руках на долгое время, где им с нами тягаться? Политические выборы и парламентское представительство — роскошь, которую только мы можем себе позволить».

И они были правы. Кто из рабочих мог выставить свою кандидатуру, ухлопав на то тысячи фунтов стерлингов? Конечно, никто, за исключением сильного и богатого союза. Томас Бёрт и был таким кандидатом от союза нортумберландских углекопов. Кроме расходов по избирательной кампании, член парламента, по английскому закону, не получал содержания или жалованья, так как быть членом парламента считалось честью, а за честь надо самому раскошеливаться по буржуазным понятиям. Попал ли еще кто-либо из рабочих в то время в парламент, сказать не могу, но кандидатов, кажется, было выставлено несколько. Но этот под'ем был не долговечен, и скоро совсем заглох; вожди же этого движения по традиции перешли в лоно либерализма. На континенте лидеров рабочего класса в кутузку сажали, а в Англии их на обед приглашали и по плечу хлопали, хорошие местечки давали. А чтоб это уже не так зазорно было, то требования рабочих выставляли и в требованиях своей партии.

Таким образом рабочее движение в Англии прозябало до того времени, как мы приехали в Англию. Незадолго до приезда, мир английских тред-юнионистов был сильно встревожен приговором палаты лордов, присудившей возмещение убытков железнодорожной кампании за стачку ж.-д. служащих и рабочих на основании закона 1875 г. Платить должен был союз жел.-дор. рабочих. Главным выразителем этого движения был Кейр-Гарди, член парламента и член Независимой Рабочей Партии (S. L. P.), считавшей

себя социалистической, образовавшейся из отколовшихся членов с.-д. федерации, основанной Гайндманом, современником К. Маркса и Фр. Энгельса. Гайндман считался отцом с.-д. в Англии, а Кейр-Гарди—отцом Независимой Рабочей Партии. Кейр-Гарди умер во время войны, а Гайндман—в 1921 г.

Этот приговор заставил встрепенуться не только социалистические организации, но и либеральную партию, так как приговор был вынесен во время консервативного правительства. Даже либералы потребовали изменения этого закона и нового законодательства. И опять-таки либералы подставили ножку рабочему движению, хотя им сразу и не удалось забрать его в свои руки. Но зато получился ублюдок—комитет рабочего представительства (Labour Representation Comitty), главной целью которого была агитация и пропаганда за независимое представительство рабочих в парламенте. На с'езде, в котором участвовали главари (секретари и члены правления) профессиональных союзов, была выработана такая неопределенная платформа, что над ней смеялись и с.-д., и либералы. В этой платформе от кандидата требовалось, чтобы при выборах он называл себя только независимым рабочим кандидатом и подчинялся только директивам комитета рабочего представительства. В остальном ему предоставлялась полная свобода действий: он мог быть и социалистом, и консерватором, и либералом. Общей программы требований не было выработано, так как предполагалось, что главари союзов знают, что нужно для рабочих. Не выставили даже таких простых гражданских прав, как прямое избирательное право, бесплатность выборов, плата членам парламента, сокращение срока длительности парламентских мандатов и тому подобных демократических реформ. Если бы все это было выставлено, то неблагоприятно отразилось бы на самих рабочих кандидатурах. Тут не скудоумие было причиной, а больше всего буржуазная хитрость, с помощью которой правящие классы Англии окопались от разрушающих демократических начал избирательного права, которыми могли воспользоваться рабочие. Если бы избрание в английский парламент зависело не от толщины кармана самого кандидата или его партии, то английский рабочий все же мог бы попасть на путь политической деятельности.

Политическая деятельность прежде всего стоит денег. Для того, чтобы попасть в кандидаты, надо внести властям избирательного округа залог не менее 300 фунт. стерлингов—на расходы по устройству избирательных урн, на печатание об'явлений, плакатов, на счетчиков голосов, полицейскую охрану и стражу. Это для начала. Потом расходы уже самого кандидата на напечатание избирательного воззвания, рассылку и разноску его по домам избирателей, на наем помещений для участковых комитетов, обход и опрос избирателей,—нечто вроде личной пропаганды. Далее—средства передвижения агитаторов и самого кандидата, так как он должен побывать во всех углах своего избирательного округа; печатные ответы на доводы оппонента и т. п. расходы, которых наберется еще фунтов на 300, а то и больше.

Говорю все это потому, что сам принимал участие в подобных парламентских выборах: раз при выборах в Ньюкэстле рабочего кандидата союза ж.-д. служащих, а другой раз при перевыборах, где кандидатом был выставлен член С.-Д. Ф. Эдуард Гартли. В первом случае выборы обошлись рабочему кандидату только в 1.500 ф. ст., и то так дешево только потому, что официально либеральная партия его поддерживала, и ему приходилось лишь печатно отвечать на пасквили консерваторов. Либералы поддерживали его потому, что округ этот избирал двух представителей; либеральная партия имела только одного кандидата, так как рабочий ей не был опасен, так как сам был либерал. Рабочая же партия выставила также только одного, чтобы иметь поддержку либералов-избирателей. Каждый избиратель имел по два голоса. Либералы открыто говорили: — «один за нас, а другой за рабочего». Рабочая партия, боясь потерять голоса социалистов, говорила: «один за моего, а другой за кого хотите». Громадное число работников были—добровольцы.

При перевыборах с.-д. федерации кандидатура Эдуарда Гартли (Edward Hartly) обошлась только в 450 ф. ст., просто потому, что социалисты двух смежных графств добровольно и бесплатно агитировали за него. Мы удивлялись: откуда брались люди и сыпались деньги на эти выборы? Все шло из грошей рабочих. Несмотря на такой под'ем и большое число даровых работников, наши работники и митинги все же тонули в море наших оппо-

нентов, так как консерваторы и либералы напрягли все усилия, чтоб провалить Гартли. Несмотря на то, что мы имели громаднейшие аудитории, битком заполняли платными местами громаднейшие залы,—Гартли провалился: из 40.000 избирателей за него подали только 3.500 голосов. Но и этих голосов было достаточно, чтобы не прошел официальный кандидат либеральной партии. Из 450 ф. ст. 247 ф. слопал муниципалитет на расходы по выборам и по подсчету голосов. На другой день, в день обнародования результата выборов, клуб С.-Д. Ф. и клуб местного соц. общества был занят полицией, так как ожидали, что либералы разнесут здание. Но этого не случилось. За несколько же лет до нашего приезда, когда рабочий кандидат был причиной провала Джона Морлей, известного вождя либерализма, главная квартира рабочего была почти разнесена и ему самому пришлось спасаться от толпы, и удалось уйти из здания только переодевшись в полицейского.

Если вас выберут, то, не получая никакого содержания, вам пришлось бы работать или жить на содержании ваших избирателей или партии. Такое ваше содержание в крайнем случае обходилось бы партии 200—300 ф. ст. в год. Вот тут и прикиньте: сколько стоила бы политическая деятельность рабочему классу? Какая организация могла иметь подобную роскошь?

Только консерваторы и либералы. Как собирателям прибавочной стоимости, им эта роскошь была ничто. Кроме крупных партийных свободных сумм, эти партии обладали огромными тайными партийными фондами, которыми распоряжались бесконтрольно главари либеральной или консервативной партии. Этот фонд черпался из доходов по продаже титулов: за лорда столько-то, за пэра—столько-то. А так как либеральная партия с 1832 г. была больше у власти, то тайных фондов у нее было больше, так как открыто либеральная партия была против палаты лордов, но за время своего господства напекла больше лордов, чем аристократическая партия. Либералы ведь были истые меркантилисты! В купле и продаже весь секрет господства буржуазии в Англии.

Для того, чтобы быть у кормила правления, партия в Англии должна была иметь около 400 членов парламента. При таком количестве ей никакая оппозиция была не страшна. Стоило только заручиться поддержкой Ирландской партии, и тогда сиди спокойно

в кресле. Рабочая же оппозиция из 2 или десятка голосов ничего не значила. А чтоб окончательно убить охоту быть в оппозиции, следовало только перетянуть их представителей на свою сторону. Либералам это всегда удавалось. Попытки встать на собственные ноги в большинстве случаев кончались неудачей. Рабочему говорили... «На что тебе тратить твои гроши? Смотри: вожди в конце концов всегда идут с нами, в парламенте всегда голосуют за нас; хотя вам они говорят, что не существует разницы между консерваторами и либералами, но, как видно, они почему-то предпочитают нас. А потому и вы нас будете поддерживать. Это вам ничего не будет стоить».

Это либералы говорили открыто, а про себя думали: «нам безразлично, будете ли вы голосовать за ту или другую партию, потому что мы так сроднились одна с другой, что нам безразлично, будет ли Асквит у кормила или Бальфур,—они же женаты на родных сестрах, или что-то в этом роде. Поэтому наш дом будет царствовать, и нам на вас начхать. Если уж ты очень заартачишься, то мы напустим на тебя нашего верного слугу—прессу, церковные кафедры, и в несколько дней они тебя так обработают, что твоя оппозиция превратится в ничто; мы тебя так обморочим, что ты за нами пойдешь, как барашек». И он шел на заклание, как ягненок, радуясь. Он даже пошел дальше этого. Перед моим приездом и в начале нашего приезда в Англию, в ячейках профсоюзов уставом было воспрещено касаться политических вопросов. «Не надо политики»—было лозунгом английского трэд-юнионизма. Чтобы сломить такую стену, нужно было употребить много сил и энергии.

Приговор палаты лордов против союза ж.-д. рабочих послужил рычагом, которым была сдвинута эта гора с места. Профсоюзы увидели себя перед опасностью потерять все свои фонды, оставаясь инертными. Нужно было спасаться, взять другой курс. Вот за выработку нового курса и принялся мною упомянутый выше комитет рабочего представительства (L. R. C.), с Кейр-Гарди во главе. Нужно было для начала создать фонд. Он мог получиться только от профессиональных союзов. Надо их было завербовать. Вербовка пошла очень успешно. С.-д. оказались между двумя огнями: они были в пользу ломки нейтралитета профес-

сиональных союзов, но не верили в возможность независимого рабочего представительства. Очень уже темная постановка вопроса. Они настаивали, что рабочее представительство может быть независимым только тогда, когда оно станет социалистическим,—под знаменем коммунистического манифеста. Но они были настолько слабы, что повлиять на ход событий не могли. Независимое рабочее представительство взяло верх, и я должен отдать справедливость членам Независимой Рабочей Партии (S. L. P.), что они проявили в этом отношении громадную энергию и личное самопожертвование.

Они были утописты, так как ход событий показал, что «Рабочая Партия», в которую превратился комитет рабочего представительства, стала ни больше ни меньше, как левым крылом либеральной партии. Многие члены Независимой Рабочей Партии стали недовольны, и партия через несколько лет так упала, что даже не осталось одной трети членов того, что было в 1905—1906 годах, в апогее ее развития. С.-Д. Федерация переименовалась в британскую соц. партию, но как ни старалась, не могла провести ни одного представителя в парламент, так как на ее кандидата обрушивались все партии,—не буду говорить о консерваторах и либералах, но даже Независимая Рабочая Партия, Рабочая Партия и анархисты и даже Социалистическая Рабочая Партия.

Трэд-юнионисты говорили: «Да ну вас всех ко всем святым! Вы только расстраиваете наши ряды и потому ату вас! Уж если вы не можете согласиться между собой, то что будет, если мы к вам примкнем, одному только богу известно».

Трэд-юнионисты шли своей дорогой, а социалисты — своей. Если социалисты и имели кой-где успех, то это только при муниципальных выборах, так как тут рабочие инстинктивно голосовали за своего брата, потому что он был им лично известен, как хороший человек, член союза и т. д., а не за его принципы и взгляды. Он за них выступал в борьбе с местными капиталистами, за местные вопросы, местные дела. И до сих пор социалисты или даже коммунисты в Англии не добились какого-либо влияния над рабочей массой и едва ли добьются, так как им не на что опереться: нет революционных традиций, нет самопожертвования, нет прессы, нет перебежчиков из другого лагеря. Да и учение социа-

листическое не свое, а иностранного происхождения,—этот аргумент я привожу только как иллюстрацию того, как господствующие классы пользуются национальными предрассудками рабочего класса. «Промышленные товары Англии известны по всему свету. Почему же, следовательно, иностранцам и не копировать нас? Мы—особая нация и потому имеем право претендовать и на особое существование. Мы кроили карту земли и потому оставьте нас в покое». Аргументом иностранного происхождения социалистического учения даже очень часто пользовалась в своей оппозиции Независимая Рабочая Партия, как средством борьбы против С.-Д. Ф., а потом и против Британской Социалистической Партии.

Оставлю их на время и займусь другими сторонами рабочей Англии.

Что же такое трэд-юнионизм в Англии? Ответить на этот вопрос собирались многие писатели и давали ответ в зависимости от того, под каким углом зрения разбирали этот вопрос. Любителю чтения могу сказать, что литературы много, хоть отбавляй. Я же буду отвечать за то, что я видел. Трэд-юнионизм в Англии—это союз рабочих для улучшения своего экономического положения и защиты приобретенных улучшений в пределах существующих капиталистических отношений, и в особенности—защита цеховых привилегий и особенностей своего цеха. Благодаря разделению труда на различные категории (квалификации) и создалось такое громадное количество профсоюзов, какое существовало в Англии. Их насчитывалось до 1.500 штук, начиная с союзов в 30 чел. и доходя до 140.000 чл. При появлении какого-нибудь нового способа производства, создавался специальный союз, обслуживающий только рабочих этой профессии.

При появлении автогеногазового паяния и сварки образовался и особый союз. Этот союз во время войны и после просил быть зачисленным в Союз Об'единенных машиностроителей, но ему отказали, потому что он об'единяет рабочих не квалифицированных, не прошедших школу ученичества, хотя в некоторых случаях члены этого союза и получали больше слесарей и токарей; да, кроме того, он принимает в члены женщин. Рабочие в машиностроительном производстве, обслуживающие станки, кроме токарных, всех видов, считались низшего качества, и потому неохотно

принимались в члены союза машиностроителей; а если и принимались, то только после того, как они могли доказать, что пять лет работали в машиностроительном производстве, обслуживая станки. Потому у них был свой союз United Machineworkers Union.

Токаря по меди, котельщики по желтой меди и жестяники имели свой особый союз и часто спорили, кому делать какую работу: рабочему этого союза или союза машиностроителей. Прокладка и проводка труб как свинцовых, так и иных металлических всегда были предметом борьбы между союзом машиностроителей и союзом водопроводчиков. Тяжба за обладание этой работой тянется уже десятки лет и по сие время не кончена, дело доходило даже до стачек, при чем судьями в этой борьбе в конце концов были одно время капиталисты. При этом союзу машиностроителей «доставалось на чаек»: постепенно от него отбирали один размер труб за другим, чуть ли не до 6" диаметра, с той оговоркой, что водопроводчик их прокладывает, а если они с фланцами, то слесарь их свертывает; если же надо их гнуть, то шаблон из дерева делает плотник; гнет трубу водопроводчик; концы нарезывает токарь, фланцы также; на место укладывает водопроводчик, а свертывает слесарь.

Вот до каких абсурдов дошли трэд-юнионисты, не из любви к подразделениям, а просто по случаю того, что, уйди работа к одному из союзов, члены другого союза должны панель гранить и поглощать фонды профессионального союза.

В некоторых других отраслях труда дело обстоит еще хуже. Кто производит столовые вилки,—не может быть членом союза рабочих дессертных вилок, а столовых ножей—в союзе дессертных ножей; столовых ложек—не имеет право быть членом ни тех, ни других ножей, и даже союза дессертных ложек. Бывали многочисленные случаи, где такие конфликты не обходились без стачек. Бывали стачки молотобойцев против кузнецов и т. п. В машиностроительном производстве насчитывалось одно время до 25 или 30 различных союзов.

Каждый союз ведет свою регистрацию членов,—работающих и безработных,—и потому при конфликтах с капиталистами берет во внимание только самого себя и рассматривает данный во-

прос только с той стороны, как это отзовется на его членах. До других ему дела нет: «я—пуп земли, а там хоть трава не расти». Капиталисты в лице своего союза хорошо пользовались такими сварами. Для них также было очень легко создать плохую картину для маленьких союзов, пользуясь ими для требований понижения заработной платы. Маленькие союзы принимали; а если сильный союз заартачится, то обыкновенно только его члены и выходили в стачку: работа продолжалась с помощью учеников и штрейкбрехеров.

В таком положении находился Союз Об'единенных машиностроителей во время борьбы за 8-часовой рабочий день в 1896 году. Стачка об'явлена была в одном округе, в Лондоне; но капиталистами эта борьба была распространена на всю Англию об'явлением локаута... Локаут продолжался девять месяцев. Члены дошли до бродяжничества, попрошайничанья, и в конце концов союз сдался. Локаут этот был об'явлен союзу, во-первых, потому, что другие союзы не поддерживали его; а во-вторых, потому, что союз капиталистов давно точил зубы на Союз Об'единенных машиностроителей, за его боевую тактику и за то, что этот союз был самый большой в то время. Но союз не был разбит, а только усилился, и ко времени моего вступления имел 50 или 60 тысяч членов.

В то время существовал и другой союз среди слесарей и токарей—Союз Строителей паровых машин, число членов которого никогда не доходило до 20—25 тысяч. Они откололись от машиностроителей, когда этот союз решил принимать в свою среду полуквалифицированных рабочих, а они хотели остаться белой костью, чистыми аристократами труда.

Дело еще печальнее обстояло в других отраслях труда, в особенности среди чернорабочих. Сколько там существовало союзов,—можно судить по строительным рабочим. Там одних союзов чернорабочих насчитывается слишком 15,—это в отрасли труда поднять да бросить! Неужели трэд-юнионисты не чувствовали своего бессильного, смешного и плачевного состояния? Чувствовали, и все время старались выйти из этого тупика. Но выход парализовался инерцией большинства членов, правлениями профес-

сиональных союзов и английским законодательством, специально изданным на случай об'единения союзов.

Масса членов союзов вступала в союз главным образом не для того, чтоб бороться с капиталистами, как с классом, а как с нанимателями специального труда. Поэтому если один союз давал те же вспомоществования на случай безработицы, болезни, смерти, стачки, несчастных случаев за более дешевый еженедельный взнос или на более продолжительное время, то члены притекали к такому союзу. Если образовывался союз с более радикальной политикой, то его рост обуславливался новыми членами из подрастающего поколения. Переход старых членов в новую организацию задерживался тем, что, оставляя старый союз, он терял особые привилегии, как членский стаж, который тоже принимался во внимание при получении пособий. Поэтому, при обсуждении вопроса о слияниях, все это надо было принять во внимание; потом также принять во внимание чиновников профессиональных союзов: нужно их было поставить в такое положение, чтоб они не противились слиянию.

Обойдя эти пороги, нужно было обойти закон, который требовал, чтоб $^2/_3$ членов принимали участие в баллотировке, и чтоб большинство из голосовавших было в пользу слияния. Это требовалось от каждого союза в отдельности. И во многих случаях оказывалось, что один союз выполнил условия, а другой нет, и потому слияние не могло состояться. Иногда вопрос о слиянии разбивался о пустяк вроде того, что при слиянии союзов сумма, приходящаяся на каждого члена одного союза, была больше другого, и потому более богатый союз должен был поступиться некоторой частью своего капитала, или же более бедный союз должен был повысить свой капитал обложив экстренно своих членов. До войны подобные слияния шли очень туго. Но в конце концов передовым рабочим удалось пробить брешь в этой броне.

Давление снизу было настолько сильно, что разбились все внешние препятствия, и первое громадное слияние произошло в среде ж.-д. служащих, слившихся в один союз численностью слишком 400.000. Это—Национальный Союз железнодорожников. Но все-таки и тут не обошлось без того, чтоб не получилось бреши в рядах рабочих. К этому союзу не пристал Союз ж.-д. машинистов и кочегаров, который в 1920 г. чуть не сыграл печальную роль

раскола среди ж.-д. служащих во время генеральной забастовки. Ллойд-Джордж предлагал машинистам и кочегарам более выгодные условия, чем другим, рассчитывая на то, что машинисты и кочегары, приняв их, останутся и будут обслуживать движение. Но рядовые рабочие и правление почувствовали, на что их готовят, и они заявили, что вполне солидарны с остальными ж.-д. рабочими и только с ними встанут на работу. После двухнедельной или десятидневной стачки правительство должно было уступить, потому что все движение было парализовано. Настроение было таково, что если бы дан был сигнал,—то остальные транспортные рабочие бросили бы работу,—т.-е. трамвайные, омнибусы, речных пароходов, грузчики, шоферы автомобилей и другие. Но правительство сдалось, и до этого не дошло; да, может быть, и правления союзов боялись пустить массу в бой, как это случилось в 1921 году во время генеральной стачки, вернее—локаута углекопов. Об этом будет дальше.

Существовали и федерации в сродных отраслях труда. Но они были настолько слабы и плохо связаны между собой, что не имели никакого влияния на ход движения профессиональных союзов. Они только были хороши на бумаге, да кроме того служили доходной статьей членам правления, так как давали им возможность иметь ежегодные пикники и поездки. Буржуазия города, в котором был с'езд, устраивала им всякие осмотры муниципальных предприятий, осмотры заводов, обеды и ужины. Таких федераций насчитывалось около 150. Разве можно было сократить свои удовольствия? Конечно, нет! И так они продолжали существовать.

Рядовые же рабочие на них смотрели с точки зрения дойной коровы, так как все эти федерации только существовали с целью получить поддержку во время стачки. Следовательно, союзы более боевые или больше всего подвергавшиеся нападению со стороны капиталистов, получали большее количество субсидий, а другие союзы на это обижались и ворчали, и в конце концов выходили из федерации. Союзам,—членам федерации,—предоставлялась полная свобода действий при об'явлении стачки, не сообразуясь с другими членами федерации. Таким образом федерации создавались и распадались. Даже среди рабочих в конце концов получался та-

кого рода взгляд, что если можно получить что-нибудь даром, то бери. Дают—бери, а бьют—беги.

Такое хаотическое состояние профессионального движения длилось очень долго. Только после того, как все было испробовано, не оставалось другого выхода, как об'единение союзов мелких в более крупные, с.-д-ты, члены Независимой Рабочей Партии, сильно работали в этом направлении, не жалея сил. И вот с 1905 года,—года первой русской революции, которая показала, что русский рабочий, несмотря на то, что не имел профессионального движения, в состоянии был пошатнуть монархическую власть в России своей солидарностью,—об'единение и слияние союзов начало подвигаться вперед.

Русская революция 1905 г. захватывала все внимание английского общества, вплоть до консерваторов. В рабочих союзах можно было об ней говорить; можно было говорить и на перекрестках и площадях. Мне припоминается, что первый митинг, на котором я выступал, был устроен Союзом Судостроительных рабочих во время обеденного перерыва. Сначала говорил председатель ячейки; когда я заявил о своем желании сказать несколько слов, то он так меня расхвалил, что у меня в зобу дыханье спердо. Я обратился с небольшой речью, об'яснив им, что, по моему мнению, 9 января было провоцировано русским правительством. Сужу я об этом по газетным сообщениям,—это во-первых; а во-вторых, зная хорошо Петербург и революционное рабочее движение в России, я могу поручиться, что только безумный человек или провокатор мог составить такой план шествия. И поэтому, если они хотят выразить свое отвращение к побоищу рабочих, учиненному русским монархическим строем, они должны протестовать против действий русского правительства, а свои симпатии фактически подкрепить пожертвованиями в пользу русских рабочих, передав деньги через Р. С.-Д. Р. П., единственную представительницу рабочего движения в России. Я могу им дать адрес; а кто хочет дать что-либо, пусть приходит в воскресенье на митинг, на такой-то площади в 11 часов, где будет устроен сбор, а также вечером того же дня в другом сквере. Резолюция протеста прошла и была напечатана в вечерней газете; но, по моей просьбе, репортер не

назвал меня по фамилии, а только сказал, что русский рабочий также сказал несколько слов.

К этому времени у нас в Ньюкэстле на Тайне образовалась с.-д. группа Р. С.-Д. Р. П. Просуществовала она не долго, с год или полтора, потому что члены ее ничего не делали, а только приходили для приятных разговоров; а когда я их приструнивал, то они говорили: «Что мы можем сделать?» Я заставлял их продавать открытки в пользу Р. С.-Д. Р. П., собирать по подписным листам. А если я с женой делал что-нибудь, то зачем не спрашивали их и не отдавали им отчета? В нашей группе был один член, которого я просил прислать из Лондона, так как мог дать ему место слесаря; и вот он-то, будучи меньшевиком, старался вводить дезорганизацию, требуя, чтоб каждый заведывал каким-либо отделом. Таким образом вся наша работа для партии была бы в хаотическом состоянии, и я этому противился. Это на четыре или пять членов отдельного секретаря, казначея, библиотекаря и председателя! Партия в то время рассылала агитаторов по разным ячейкам для освещения членов и просила дать нам ответ в определенный срок. Я написал ответ в том духе, что из-за четырех человек не стоит тратить пороха; а если что членам и нужно, то я это могу исполнить, и у партии останется больше денег. Дал это письмо прочитать членам. Они написали протест. Партия меня поддержала, и это послужило поводом к расколу и прекращению существования группы. Но от этого работа для партии не пострадала, а выиграла, так как она развязывала руки и давала мне и жене свободу действий. Не могли же мы им дать адреса лиц, которым посылалась «Искра», из каких мест и в каких конвертах и т. п.!

В это время я был членом местного социалистического общества, и, конечно, членов его тоже взял в работу. В особенности должен упомянуть нашего старого друга, английского социалиста Иосифа Вильяма Джонстона. Он работал больше всех: устраивал митинги на собственный риск, приглашал меня на митинги, уговаривал другие организации приглашать меня, делал сборы на лекциях и т. п.; даже устроил таким образом, что либеральная организация меня пригласила, и с них я получил сбор. Все это шло лихорадочным темпом и в то же время давало мне возможность

привыкнуть к выступлению с платформы, да еще на иностранном для меня языке.

Как я говорил, что 9 января было провокацией и что Гапон прислужник русского правительства, так и оказалось. Первое время мне социалисты-рабочие в мастерской говорили, что мы, русские, чудной народ: не доверяем хорошему человеку. Но когда сами узнали из газет, чем был Гапон, они говорили: «У вас, русских, удивительный нюх».

Кстати упомяну для характеристики умственного развития английских рабочих о следующем случае. Самоучитель английского языка (Пуссена) я забросил и принялся за свою систему: начал изучать язык по предмету, который мне был больше всего знаком. Купил брошюру Роберта Блачфорда «Британия для британцев», переиздание предыдущего его сочинения «Счастливая Англия». Наш тов. англичанин не нахваливался ею, а мы с Сашей (Хозецким) ее ругали на все корки. Там были такие нелепости написаны, что мы прямо удивлялись, что такая вещь могла продаваться социалистами. Он писал, что читал и издал Маркса, а общество делил на три класса: капиталистов, рабочих и землепашцев, и землепашцы все производят, а остальные два его обирают; и еще много вещей, которые не укладывались в учение научного социализма. Товарищ признавал, хотя и туго, что мы правы, и в конце концов среди его приятелей я добился,—это уже после смерти Саши,—что они сообща стали читать «Манифест» и «Развитие научного социализма».

Так вот этот товарищ пригласил нас на митинг, устроенный немцем, в помещении клуба, на котором он, т.-е. немец, будет говорить, а я, как знающий немецкий язык, мог бы переводить. Немец этот был христианский социалист, и потому интересно было, что он может сказать о «рабочем вопросе». Мы пошли втроем. Немец повел такую ахинею, что мне после его речи стало невтерпеж. Он говорил по Блачфорду. Я и давай его разносить, попутно с оратором. Он запротестовал; собрание—за меня, требуя моего продолжения, так как председатель стал меня одергивать. Когда я кончил, то единственное, что он мог мне возразить, было то, что он христианин и католик. Даже тов. англичанин был удивлен

его ответом, так как он эту фразу по забывчивости выговорил на английском языке.

На следующее воскресенье он нас же пригласил на деловое собрание, с целью записать нас в члены. Придя туда, мы почувствовали, что все ощетинились. Когда он нас предложил в члены, то нам отказали, как срывателям митинга. Когда же пришел немец, то он даже полез драться,—и если бы не тов. англичанин, нам наверное намяли бы бока и с лестницы спустили бы.

Таким образом при начале нам не посчастливилось. Потом уже, после нескольких лет, когда я встретился с членами Ньюкестльского Соц. Общества, в члены которого меня приняли, то один из них, присутствовавший на этом митинге, просил меня разъяснить, что было на том митинге. Я предложил всей честной кампании изложить мой взгляд на Блачфорда. Изложил и тут же отбил у них охоту верить в его либерду. После этого мы еще часто возвращались к вопросам, поднятым мною, и один мне говорил, что члены Независимой Раб. Партии читают его, как руководство по политической экономии.

В 1903 году состоялся второй с'езд Р. С.-Д. Р. П. в Лондоне, где образовалось большинство и меньшинство партии. Участия в организации этого с'езда я не принимал. Но помню, что ко мне после с'езда был т. Алексеевым направлен т. Сахаров, которому нужно было перебраться в Россию чрез Норвегию. Он прожил у меня несколько времени и благополучно перебрался во-свояси. Тов. Сахаров хотел устроить чрез меня транспорт, но из этого ничего не вышло, так как у меня не было связей с моряками. Я ему говорил, что на англичан нельзя надеяться, а нужно чрез иностранцев. Это вполне оправдалось впоследствии.

Когда существовала Ньюкестльская группа, в 1905 году. Алексеев приезжал к нам на устроенный нами для евреев митинг по поводу русских событий. Митинг вполне удался; собралось больше народу, чем собиралось в этот клуб слушать английского оратора. Товарищ Алексеев также сказал несколько слов по английски для присутствовавших англичан. Бунд нам напечатал об'явления на русском и еврейском языках даром, по просьбе тов. Алексеева. В устройстве этого митинга также принимали участие Вильям Робертс, сын англичанина из Харькова. Он был чле-

ном лондонской ячейки, которая регулярно устраивала лекции в Истэнде. На них выступала тов. Тахтарева и другие. Когда я был в Лондоне первый раз, главной темой лекции была борьба партии с эс-эрами. После октябрьских событий т.т. Алексеев и Тахтаревы уехали в Россию, и партийная работа на время порвалась. Партия перенесла деятельность из за-границы в Россию, стала из подпольной легальной, развив такую работу, что повлияла даже на умы западно-европейских рабочих. Но партийная работа порвалась только на время.

Картина положения проф. движения в Англии к моему приезду была печальная. Совсем не то, что представлял себе по книгам, прочитанным в России, и по статьям Уолласа в «Русских Ведомостях». То же оказалось и при близком знакомстве с остальными культурными преимуществами английского рабочего. В чем же заключались его преимущества по сравнению с русским? Только во внешнем виде: одевался в европейский костюм, потому что иного нельзя было купить, носил крахмальные воротнички, манжеты, галстух, кэпку, начищенные сапоги и ходил бритый. Жил не в больших каменных домах, как в Петербурге и Москве, а в маленьких отдельных особняках в одну, две, три или четыре комнаты, с отдельным парадным и задним ходом, отдельными службами и отдельными маленькими цементными двориками. И мебель его была солиднее,—конечно, не везде. Пролетарская мебель была не более трех-четырех стилей. Потому что все было массового производства. По одежке приходилось протягивать ножки. Если раз увидишь мебель такую у одного рабочего, то ее увидишь и у другого, с той только разницей, что она у них различного цвета и покрыта другим материалом,—или материей, или кожей (клеенкой).

Квартиры его также однообразны: у одного двери все открывались с правой стороны, а у другого с левой, в зависимости от капитальной стены, разделявшей один домик от другого; те же комнаты, чуть ли не те же обои. Одним словом, продукт массового производства. Чуть ли не в каждом доме пианино. У рабочего пианино—да разве это не роскошь? Роскошь на первый взгляд. Но когда присмотришься к рабочей жизни, то это только предусмотрительность или, если хотите, своего рода социальное стра-

рование от безработицы, стачки, несчастного случая, смерти главы семьи. Иногда имеется вдобавок и орган, но на них никто не играет; а если играет, то так же, как я играю, в два пальца, и только религиозные гимны, а вовсе не для веселья; а если пустятся играть на органе, то хоть святых выноси.

Да если бы они захотели повеселиться, то постройка квартир не позволит: если сильно ступать по полу, то посуда начинает ходить, а если живете во втором этаже, то у квартиранта внизу даже может сетка газовой горелки поломаться. Ведь пол настилается не из 3-дюймовых досок, а только из ¾-д., наколоченных на 2-дюймовки или 1½-дюйм., поставленных на ребро (2 или 1½×6 д.); а потолок из дранки и штукатурки. Только в наружные стены домика можно вбивать гвозди, а в перегородки нельзя, так как гвоздь не будет держаться: он встречает только дранку и штукатурку. Наружные стены сложены только в два кирпича; окна и двери под один фасон для целого квартала домиков.

Печей нет, а только открытые камины, и для того, чтобы в них было тепло, надо было топить целый день. Уголь дорогой, и потому топилась только одна кухня-столовая, а зал только по воскресеньям или высокоторжественным дням. Спальни никогда не топились, хотя в них тоже имеются камины. Спальни такие промадные, что в них умещались только двухспальная кровать, столик и два стула. Если семья была многочисленная, то дети спали поперек кровати в ногах родителей; более же щепетильные родители,—если заработок позволял,—клали ребятишек в спальне, а сами переселялись в зал, или наоборот. Более многочисленные семьи снимали верхний этаж, в котором всегда было одной комнатой больше, получавшейся над коридорами парадных входов, которые всегда два вместе.

Иногда второй этаж имел еще светелки-спальни под крышей. В таких квартирах жили семьи очень многочисленные, со взрослыми членами семьи, приносившими в общий котел, или семьи, державшие нахлебников-холостяков или сдававшие комнаты. Даже для семейного рабочего, у которого ребятишки были школьного возраста, приходилось держать нахлебников, чтобы свести концы с концами. Это относится и к квалифицированным рабочим; а о неквалифицированных и говорить не приходится.

Кто не мог иметь нахлебников, тот должен был жить полусытым, есть уйму картошки и хлеба, а мясо по воскресеньям.

На вегетарианской пище существовать рабочему нельзя было, так как его очень хорошо эксплоатировали, и потому главе семьи или работнику покупалось австралийское или американское мясо, а соусом с картошкой и хлебом питалась остальная семья. Работнику также покупалась свинина (боковина) и наскоро поджаривалась на огне камина; в сало макался хлеб или поджаривался в нем, и этим питалась семья. Масло коровье многие семьи не видят целые века, а заменяют маргарином и вареньем. Маргарин был вдвое, втрое дешевле мяса; а варенье также дешево: оно было приготовлено из чего хотите, только не из ягод. Существуют целые заводы варки варенья, в которые за целый год не попадает ни одной ягоды: семячки ягод, для симуляции, строгаются из темного дерева, а связывающим веществом все что хотите, только не сахар.

Варенье мазалось на хлеб.

Этим вареньем и хлебом набивают желудки ребятишек. Они идут с ним в школу, едят его, бегая по улицам; рабочий берет его себе на завтрак. Обед английский состоит только из двух блюд и то сухих,—что у нас считается вторым, и какой-нибудь кашей, рисовой, тапиока или же вареного теста. Ни супов, ни щей в Англии не варят, хотя и подают овощи; но весь навар с овощей выливается на улицу.

Разнообразие блюд настолько бедно, а состав обедов настолько прочно установлен, что в известные дни недели вы всюду их получите и дома, и в живопырках (рабочих ресторанах). Ростбиф можете получить каждый день, но свежий он бывает только по понедельникам. В семьях же ростбиф по воскресеньям—обязательное мясное блюдо. В субботу или в пятницу была получка, а потому в воскресенье едят и запивают пивом.

От такой пищи у большинства портится пищеварение и кишечник почти не работает. Поэтому они поглощают громадное количество пилюль. Некоторые не могут жить без пилюль или какого-нибудь слабительного, вроде английской соли, сабура и т. п. Все это в пилюлях. Там шарлатаны и фирмы пилюль зарабатывают громадные состояния. Например, пилюли д-ра Бичама

дают такой доход, что он платил своей жене в год 80.000 ф. стерлингов,-чтоб она с ним не жила; да за одни об'явления в газетах и журналах платил ежегодно столько же, и, кроме этого, содержал художника иллюстрировать об'явления.

Ужин рабочего большею частью состоял из рыбы и картофеля, вареных в сале, да пива. А если пили чай, то крепкий, как деготь; такой же чай давали и детям. Такая мягкая пища довела английскую расу до того, что у детей гниют зубы прежде, чем они вырезаются.

Большинство детей школьного возраста беззубые или с такими плохими зубами, что удивляешься, как они существуют. Ни одно дитя не может есть хлебные корки, и они валяются по улицам. Не увидишь ни одной девицы, у которой здоровые зубы,—как засмеется, так прямо ужас. А которые с зубами, у тех искусственные. Это в среде мелкой буржуазии и квалифицированных рабочих. А у чернорабочих еще хуже, так как заработок неквалифицированного рабочего на 30% или 40% ниже. Вот вам как живет р а б о ч а я Англия. Рай земной, не так ли? А как он достигается,—я сейчас расскажу.

В Англии среди рабочих существует поговорка, что человек родится в кредит и умирает, или лучше—хоронят его в кредит. Но кредит вам только тогда дают, когда вы имеете квартиру на ваше имя, или кто-нибудь за вас поручится. Квартиру вы можете получить, когда имеете работу. Получив работу, получаете квартиру от агента. А он вам ее даст только тогда, когда наведет о вас справки, так как его заработок зависит от вашей платежеспособности, и он заносит вас в книгу живота.

Идете в магазин мебели, говорите, где живете и работаете, и пока выбираете мебель, о вас наведут все необходимые справки. Если вы дали правильные о себе сведения, то от вас возьмут задаток, вы подпишете контракт, что будете платить по столько-то в неделю, и на другой день вам привозят обстановку. Таким же образом закупаете и посуду. Укладываете клеенку на пол, расставляете мебель, кровати и начинаете жить. За все платите раз в неделю. И первое время вас осаждают разные агенты, которым вы платите за все то, что вы взяли в долг, а кому не в состоянии заплатить в этот раз, вы просто не отзываетесь на его стук. Но,

боже вас упаси, если вы это повторите несколько раз: от вас увезут все, что вы взяли в долг, и вы потеряете все то, что заплатили, так как по контракту вы платите за пользование чужой мебелью столько-то в неделю, а когда вы выплатите определенную сумму, то вам выдают расписку в получении за такую-то или такие-то вещи.

За квартиру платите по-недельно; хвораете—доктор вас лечит в долг; увеличивается семья—тоже в долг; после за это расплачиваетесь по-недельно. Одеваете себя и семью в долг. Одним словом, рай да и только! Но когда приходится заработную плату делить на все это, то у хозяек голова кругом ходит, и когда получается недохватоk, то первому урезыванию подвергается желудок (брюхо не зеркало, — не выдаст!), а то обращаются и в ломбард. Такие учреждения, частные закладочные лавки встречаются только в рабочих кварталах; по их изобилию можно судить о благосостоянии рабочего класса. Эти закладочные лавки настоящие благодетели рабочего класса: без них он не мог бы прожить, даже в воскресенье выйти погулять. И вот каким образом: в понедельник или во вторник жена несет закладывать его костюм, а в пятницу или в субботу после получки его выкупает. И так это продолжается до бесконечности. По понедельникам эти учреждения открываются часом раньше, а по пятницам и по субботам закрываются позже. Все к услугам рабочего! Только живи и радуйся!

Не вся, конечно, обстановка покупается в долг. Есть некоторые парочки, которые годами копят для того, чтобы купить мебель за раз и отвязаться от всяких агентов. Но такие штуки не многим удаются, так как природа берет свое, и приходится обзаводиться домком раньше положенного срока. У некоторых рабочих вся квартира уставлена мебелью, но тут все большею частью досталось по наследству или же куплено по случаю. Как только английский рабочий женился, обзавелся домиком-квартирой, он становится неподвижным. Редко уезжает в другой город. Да ему это не необходимо, так как средства передвижения очень дешевы и часты с прилежащими заводскими или фабричными районами.

Некоторые даже приобретают собственные дома, опять-таки в рассрочку. К его услугам союз, кооператив или строительная контора. Вы платите нотариальные расходы по купчей крепости,

закладываете ее в союз, который дает вам рассрочку платежа, и вам остается только тянуть лямку и платить повышенную квартирную плату столько-то лет,—и дело в шляпе! В конце концов дом ваш. А то даже делается и иначе. Страховые общества жизни берутся страховать вашу жизнь за известную годовую премию с тем, что после смерти вашей дом остается во владении ваших наследников. Боже вас сохрани, если вы не сможете уплатить по обязательствам: все, вами уплаченное, идет прахом! И потому мебель идет в заклад в первую очередь и т. д. Если глава семьи захворает или очутится без работы, то дело обстоит очень плохо. Вот тут и выручает и пианино или трюмо...

Союз также помогает, давая помощь приблизительно в размере квартирной недельной платы, плюс расходы на раз'езды по поискам за работой, начиная с 10 шиллингов, в союзах квалифицированных рабочих, в продолжение, в среднем, 13 недель, а потом только 6 шилл.; в союзах чернорабочих много меньше и на более короткий срок. Наконец, если вы стали владельцем собственного дома и земли, на которой он выстроен, то—только владелец земли на глубину в 7 футов, а все минеральное и ископаемое богатство, находящееся ниже этого, принадлежит лэндлорду,—аристократу-землевладельцу.

Английские рабочие все грамотны. Они умеют читать газеты, а книги—это роскошь для него. Грамотны потому, что капитализм не может терпеть безграмотного рабочего: грамотный выгоднее. Это во-первых. А, во-вторых, для укрепления политического господства буржуазии, ей необходим грамотный рабочий, которому она могла бы об'яснить всю подноготную противной, аристократической партии и преимущества своей, а также заинтересовать рабочего, как избирателя, в своей иностранной политике, не говоря уже о внутренней. Поэтому там было введено всеобщее обязательное образование,—с пятилетнего до 14-летнего возраста. В течение этого периода из детского мозга можно вылепить что угодно.

Программа составлена таким образом, что, с одной стороны, давала грамоту, а с другой—убивала всякую охоту к самостоятельной мысли; а потому дети сейчас вскоре набрасывались на лубочную литературу, которой кишмя кишит книжный рынок. В

школах за провинность заставляют заучивать наизусть Шекспира, точно так же, как Екатерина II заставляла фрейлин учить «Телемахиду». Подобная политика учителей также отучала от желания читать что-либо серьезное. Лубочное издательство так широко и дешево поставлено по сравнению с другими, так его хорошо умеют об'являть и расхваливать, что публика прямо лезет рожном. На всякую прихоть есть своя газета, свой журнал,—нечто вроде научного. Ведь в Англии все обосновано научно. Лошади даже скачут по науке, не говоря уже о футболе, о котором каждый англичанин рабочий убежден, что это научная игра, так как говорят, т.-е. им так говорят, что такой-то клуб футболистов играет на научных началах. И он, конечно, верит—ведь и в школе ему это говорят, и родители тоже твердят.

Он замечает, с какой жадностью отец и мать поглощают «Вечерние Новости», как они радуются, если «их» лошадь дошла до столба первой, при такой-то ставке. На улице он видит то же самое, видит, как кто-то выплачивает деньги вечером, а днем берет бумажечки-записки и деньги. Он вскоре узнает, что эти все волнения происходят вокруг скачек летом, а зимой—вокруг футбола. Издаются специальные спортивные романы, повести, рассказы, анекдоты, шутки и т. д. В особенности ходко идут газеты и периодические издания о скачках: они бывают еженедельные, ежедневные, утренние и вечерние.

Рабочему нужна какая-нибудь нервная встряска, после его монотонной ежедневной работы. Вот эту встряску один находит в ставках на лошадей, другой на футболистов, третий в лотереях, устроенных в каждой мастерской, в каждой школе, одним словом везде, где собираются люди. При каждой школе, при каждой церкви-молельне, при каждой угольной копи, в каждой деревушке, в каждом городском районе, в каждом городе имеются клубы футбола. Все они по категориям входят в связь между собою и состязуются на приз. В больших городах клубы футболистов это—акционерные предприятия, где играют только специалисты, за которыми ухаживают, как за сырым яичком: их растирают, массируют, вешают, кормят по предписанию врача, одним словом их тренируют по всем правилам науки, как убеждает английского рабочего его ежедневная пресса. Если состязуются два смежных

крупных клуба футболистов, то бывает такое стечение рабочих на матчи, что не проедешь, не пройдешь—хуже твоей ярмарки. Некоторые рабочие не выходят на работу, чтоб сходить и посмотреть, а которые не могут, те обязательно делают ставки у лиц, которые только живут этим. Они есть всюду—на улицах, в заводах, одним словом везде. Они хорошо живут, ничего не делают, в состоянии даже содержать специальную стражу, которая их оберегает от набега полиции, так как подобного рода деятельность воспрещена законом. Такого рода отрава забирается и в школу,— и там ребятишки ставят на лошадей: образуются ученические классы, которые начинают следить за известными лошадьми и т. п. Одним словом, обыденная жизнь и времяпрепровождение рабочего класса переносится и в школу.

Когда я уже научился английскому языку настолько, что мог понимать разговор англичан, я удивлялся, что никак не могу понять, о чем говорят мои соседи рабочие; думал, что это одно из местных наречий, надеясь, что со временем я и его превзойду. Проходит время, а я все в таком же положении. Наконец, улучив минуту, подхожу к рабочему, с которым вел беседы, и спрашиваю, не может ли он об'яснить, на каком наречии говорят мои соседи: я прислушиваюсь, но ничего понять не могу. Он как захохочет, а я подумал, что сказал глупость. Наконец, он об'яснил, что они говорят о лошадях, а слова, которых я не понимаю, это имена лошадей, жокеев и владельцев конюшен, конюхов и все прочее, относящееся к этому спорту.

Большинство английских рабочих знает на зубок имена лошадей, выигравших приз, в каком году и кто был жокеем и конюхом этих лошадей. Другие знают всех футболистов, их биографии, их стаж и все прочее; но если их спросите, кто такой Сидней Уэбб, Кейр-Гарди, то с удивлением посмотрят на вас и скажут, что они не знают, да и знать им не зачем. Некоторые даже не знают, кто у них премьер, или кто вождь такой-то партии. Для них это книга о семи печатях. Да и на что ему знать? Такое знание не дает ему никакого нравственного или физического удовлетворения. А знание лошадей, скачек, футболистов дает.

Точно так же и бокс. На эти вещи он смотрит с точки зрения азартного игрока—выигрыш или проигрыш его нервно встряхи-

вают, а с другой стороны занимают его ум: не может же рабочий, работая как автомат или придаток к станку, и мыслить, как автомат! Если бы капиталист мог получить такого рабочего, то ему бы ничего лучшего и не нужно было. И вот, направляя все усилия на создание автомата-рабочего, английский капитализм нашел выход, направив всю умственную деятельность английского рабочего на спорт. А к этому он подходит через школу—давая грамоту, но не знания, ставя образование таким образом, что оно отбивает охоту у детей учиться.

Учительское звание оплачивалось ниже жалованья полицейского,—и это с университетским-то образованием! Поэтому в учителя и учительницы шли самые малоспособные люди. Все это, вместе взятое, давало только грамотных людей, а капитализму больше ничего и не нужно было. А когда капитализму или империализму нужно было обратиться к рабочему, как к избирательному мясу, то на это господствующие партии очень изобретательны. Лозунги сейчас же изобретаются очень понятные, вроде протекционизма и свободы торговли, должны ли немцы оплатить все военные расходы, повесить ли кайзера или нет, возмещение всех потопленных пароходов и т. д. Все эти лозунги за несколько недель или месяцев до выборов расписываются в газетах, на платформах и т. п. Вас забрасывают литературой самого низшего пошиба, представляя все в крупной печати, и все зависит от того, чья партия может выбросить на улицу больше литературы.

Создается такая выборная агитация, такое настроение, такой психоз, против которого могут устоять только крепкие натуры. А что значил в это время голос социалистов и коммунистов?—Он был подобен мышиному писку, заглушаемому басовыми и альтовыми аккордами капиталистических партий. Выборы там это—ярмарки, где торговцы выкрикивают свои товары; и, конечно, у кого горластее приказчик, к тому идут и за того голосуют. Школьники организуются в процессии с факелами, розетками,—все делается для того, чтоб как-нибудь доехать избирателя. К нему идут на дом местные деятели, отцы города, жены и дочери лордов, пэров и беседуют с ним, желая по разговору определить, за кого он подаст голос; и по тому, каково было интервью, его отмечают, как союзника или противника: если союзник, то за ним посы-

ляется в день выборов коляска, или автомобиль, или же специальный посыльный, чтоб притащить его к избирательной урне.

Потому—если где и стоял кандидатом социалист или просто рабочий, то за него подавали голоса только те, кто вполне убеждены в том или другом. Оттого социалисты, получившие такое-то количество голосов, были уверены, что подавшие за них были из оппозиции. И если бы не относительное большинство давало право на представительство, то в нескольких округах социалисты попали бы в парламент и тогда имели бы трибуну, с которой могли бы распространять свои идеи. И это было бы не все. Надо было бы иметь свою ежедневную прессу, а то капиталистическая пресса просто вас стала бы замалчивать или же писать о вас, выставляя вас с карикатурной стороны.

Ведь капиталистическая пресса достигла того, что для английского рабочего континентальный социалист был букой, который пугал его. Это—обязательно человек с длинными волосами, немытый, не чесаный, а главное—не бритый и с огромным кинжалом в руках. В театрах иностранный герой в пьесе всегда выступает долговолосый и бородатый. Я, конечно, говорю о рабочих театрах. В этих театрах англичанин представлялся и чистенький, и умытый, и выбритый, и коротко подстриженный, обыкновенно морской лейтенант, который в огне не горел и в воде не тонул. Это в обыкновенное время, а что делалось во время войны, так это просто неописуемо. Надо быть Толстым, чтоб все это представить картинно.

Мои описания бледнеют перед тем, что описали английские исследователи условий существования английского рабочего класса. Такие исследователи были генерал Бутс, основатель Армии спасения, и филантроп-предприниматель Раунтри. Советую каждому, желающему узнать что-либо о р а б о ч е й Англии, прочитать их сочинения; а далее—все те разоблачения, которые были даны королевской комиссией в 1920 году о положении углекопов, и в 1921 году о положении докеров. Все эти сочинения можно получить чрез ежедневную рабочую газету «Daily Herald», издаваемую в Лондоне. Не мешало бы позаботиться о их переводе на русский язык. Тогда только получится истинная картина рабочей Англии, а не романы об английских лордах, капиталистах и их присных.

Свободное от работы время английский рабочий проводит на улице, если не в кабаке. Его можно видеть целыми часами стоящим на углу, смотрящим бесцельно в пространство, жуя или куря трубку и тут же сплевывая. Если же он стоит не на улице, то его можно встретить в излюбленном кабачке, которых в Англии так много, что они чуть ли не на каждом углу.

У каждого рабочего есть свой излюбленный кабак. Даже если вы спросите улицу или дом, то вам обязательно скажут, что он рядом с таким-то кабаком: Принцем Уэльским, Золотого Тельца, Белой Лошади и т. д. Он их все знает на перечет. В «Золотом Тельце» собирается его союз, в другом—его касса взаимопомощи, в третьем—ячейка союза его приятеля. Все почти собрания ячеек профессиональных союзов собираются по кабакам. Во-первых, они дешевле других помещений. Владельцы кабаков отдают помещения под союзы или другие клубы, потому что для них это доходная статья: как же пройти на собрание союза или после собрания и не выпить? Конечно, вход отдельный, но все-таки соблазн тут.

Что же гонит английского рабочего на улицу или в кабак? Летом—ребятишки, а зимой неуютность квартиры и холод в ней. Чтоб нагреть, надо угли, а потому все в одной кухне толпятся: все хотят греться у открытого камина, и потому если остаться дома, то все место займешь; да еще жена мешает, варя что-нибудь на огне; спереди огонь палит, а сзади мерзнешь. Следовательно, остается уйти в другую комнату; но там зимой холодно. А потому, чтобы избавиться от толкотни, ребячьего шуму, рабочий идет в кабак или стоять на улицу. Зимой в кабаке камин пылает, освещая чуть ли не весь зал; тепло и уютно; да, кроме того, там приятели. Он привык быть на улице, потому что с малолетства мать и отец, чтоб отдохнуть, гонят его на улицу, а по воскресеньям в воскресную школу, где обучают только религии. Их устраивают после обеда, специально для того, чтобы дать возможность родителям отдохнуть после обеда.

Эти воскресные школы устраиваются в маленькой молельне какой-либо секты. Таких сект очень много, и молельни чуть ли не конкурируют с кабаками. Ребятишек привлекают туда разные лодарки, которые им раздаются ханжами, или волшебные фонари,

кинематографы и летние поездки за город, на берег моря, на что с детей собирается малая толика. Железные дороги по дешевым ценам дают для этого целые поезда или отдельные вагоны. Далее, воскресенья для английского ребенка это ад. По установившемуся обычаю, ему нельзя шуметь, играть на улице, а дома родители приструнивают, цыкают, и потому вырваться в воскресную школу это и для него удовольствие, и для родителей. Ведь пуританство дошло до того, что сады, в которых устроены качели для детей, гигантские шаги и другие приспособления для детских игр, в воскресенье все эти приспособления заперты на замок, поэтому ему там делать нечего. Кроме того, в воскресенье полагается выходить на улицу в воскресной паре, а если ее нет, то сиди весь день дома. Даже взрослому рабочему в воскресенье некуда деваться, кроме кабака и церкви. Это только два учреждения, которые функционируют в эти дни, остальное все закрыто. Только за последнее время стали разрешать платные лекции или кино. Дело доходило до курьезов: отцы города, обыкновенно члены какой-либо секты, даже не разрешали в увеселительных садах устраивать танцы для посетителей, так как это повело бы к их безнравственности; а артистам разрешали танцовать, потому что они артисты,—им все можно.

Во время перерывов в работе, рабочие наскоро закусывают, пробегают газету, главным образом, спортивную часть,—и спешат засесть за карточную игру в козла, в винт или в банчек. Либо все эти игры играются на чистые деньги, или же в долг; проигрыши выплачиваются во время получки. В особенности отличаются в этом ночные смены. Так как получка бывает в пятницу вечером, то многие рабочие в субботу утром, когда кончается ночная смена до следующей недели, в буквальном смысле слова идут домой без гроша в кармане. Им приходится занимать в долг на трамвай или поезд. Азарт в банчек доходит до того, что люди играют в него где попало, даже в рабочих «клубах», при самых невозможных условиях, чуть не валяясь в клоаке. В этих азартных играх больше всего отличаются ученики и холостежь.

Меня спросят: неужели нет положительных сторон в английском рабочем? Несомненно—есть. И вот какие. Его вековое упорство в борьбе с классом капиталистов; но борьба мелочная, как у

нас говорят, выражавшаяся в пятачке прибавки или в сокращении рабочего времени. Для этого он не щадил энергии, времени и денежных жертв. Такая упорная борьба научила смотреть на свой союз, как на защитника от всяких зол и бед. Нигде на континенте нет такого упорства держаться в союзе, как у английского рабочего. Там нет громадного наплыва в одно время и распада организаций рабочих, какие замечаются во Франции или С.-А. Соед. Штатах. Профессиональное движение не блистает фейерверками. Там не существует генеральных стачек или локаутов; а если бывают стачки, то они очень упорны: иногда продолжаются три, четыре, а иногда и до восьми и девяти месяцев. Такие продолжительные стачки возможны потому, что союз к ним готовится, имея летами скопленные фонды. Вот тут-то и приходится удивляться тому упорству, которое проявляется в мелких вопросах. А что будет, если он начнет проявлять такое же упорство в крупных вопросах? Но рассчитывать на это в ближайшем будущем не приходится.

Переход с мелочной борьбы на более крупную уже замечается. Профсоюзы об'единяются. Уже имеются союзы в 800.000 членов, и идея их об'единения в более крупные растет с каждым годом. В особенности это было заметно во время и после войны. Трэд-юнионисты-старики удивлялись, — откуда набиралось так много новых сил. Наплыв в профсоюзы был постоянный и дошел до семи миллионов в 1920—1921 году. Если взять все работоспособное население Англии, то оно не выразится больше чем в 7½ или 8 миллионов. Профессии белоторликов организуются и примыкают к рабочим организациям,—к с'езду трэд-юнионов и Рабочей Партии. Уже в 1290 и 1921 годах потоваривали о создании единого рабочего правления или фронта, чтоб уничтожить тот тормоз, который происходил при общих выступлениях от разделения власти над рабочим движением между парламентским комитетом конгресса трэд-юнионов, правлением Рабочей Партии и парламентской фракцией Рабочей Партии, так как ни одно из них не было уполномочено и не могло взять в руки и вести рабочую массу. А в известные моменты эта рабочая масса готова была итти и даже подталкивала свои правления на об'явление генеральной забастовки.

Но из этого ничего не выходило, так как вожди, которые

должны были вести в бой, по своему общественному положению, как тайные советники короля, должны были играть отбой; в противном случае им грозило преследование за государственную измену. Тут и самые боевые вожди дрейфили, и в решительную минуту отдавали приказ к отступлению. Так это и случилось во время всеобщей забастовки углекопов.

У углекопов, ж.-дорожных служащих и транспортных рабочих существовал оборонительный и наступательный союз, так называемый «тройственный союз». Они должны были защищать и поддерживать друг друга. Многое ожидалось от этого союза. Эти три союза могли парализовать всю промышленную жизнь Англии. Но и противник не зевал: он пускал все в ход—покупали вождей, давали им чины, приглашали в кабинет министров, делали старшинами и судьями. Рабочие и вожди радовались, что наконец-то и они признаны за силу. Но все были настолько простодушны, что не видели, что тут подкапываются под солидарность рабочего класса. Во время войны чины, не дающие пенсии, имейте в виду, раздавались направо и налево (кому не лень, тот брал).

Гендерсон имел чин, это вождь Рабочей Партии, О'Грэди, Джон Томас—вождь Союза железнодорожников и член парламента, и член Рабочей Партии, а также и член правления тройственного союза. Капиталистический класс в лице своей прессы так раздувал их качества, что у рабочих союзов в зобу дыханье сперлось; они их обеспечили навсегда, купив на свои гроши виллу и автомобиль Джону Томасу и т. п.

Наступили октябрьские дни 1905 г. в России. Затрещал русский престол. Все рабочие в Англии были страстно заинтересованы в исходе борьбы. Пошли пожертвования из Германии и Франции. Надо было послать что-нибудь и из Англии. Собрался я с духом, заручился некоторой поддержкой и пустился в агитацию. Каждый понедельник и субботу обходил по две ячейки, говорил им речи и просил, чтоб они требовали от правления баллотировки на обложение в пользу русских рабочих, при чем говорил им открыто, что русский рабочий признает своим вождем Р. С.-Д. Р. П., и потому, если они хотят помочь, то должны послать для Р. С.-Д. Р. П. Таким образом каждая ячейка, в которой я был, проводила резолюцию об обложении, начиная с 3 пенсов и вплоть

до 1 шиллинга. И что больше всего меня удивило, это—отзывчивость старых членов союза. После обхода 15 или 20 ячеек, правление запросило членов, голосовать ли за обложение в 3 пенса в пользу русских рабочих. Голосование прошло в пользу обложения, что реализировало в то время около 300 ф. ст. Сколько было собрано от других союзов—сказать не могу; небольшая лепта была дана Независимой Рабочей Партией и С.-Д. Партией.

Вскоре после этого прибыли в Тайн чиниться ледокол «Ермак» и пароход добровольного флота «Смоленск». Я выписал ежедневную соц.-демократическую газету и отнес ее на «Смоленск». Кочегары читали ее запоем. Даже в своем помещении поубирали царские портреты. Не то было среди машинистов,—те чувствовали себя как-то неловко: с одной стороны нельзя не сознаться, с другой нельзя не признаться. На «Ермаке» дело совсем туго шло: военная дисциплина сказывалась.

После ухода этих пароходов мы затосковали по родине и только дожидались,—когда пройдет пятилетний срок для получения английского подданства, чтоб махнуть обратно в Россию. Но этому желанию не удалось исполниться. Началась реакция в России. Я познакомился с членами Латышской соц.-дем. партии; помогал ей налаживать транспорт нелегальной литературы, а главным образом—оружия. Дело шло прекрасно: удавалось сплавлять иногда до 30 пудов зараз. А это все благодаря тому, что на русских и иностранных пароходах, крейсировавших между портами Англии и Балтийского моря, была команда из матросов или кочегаров латышей. Если бы пользоваться для этого иностранными матросами и кочегарами, то наверное не переправили бы и несколько фунтов. Дело продолжалось ничего себе, пока не случился провал, который произошел благодаря оплошности товарища-латыша, заведывавшего транспортом.

Он послал англичанину деньги с письмом, написав мой адрес. На англичанина отец донес, что он хранит патроны. Пришли, обыскали его, а потом обыскали нас, но не нашли ничего: полиция думала, что я уже английский подданный, и потому не вломилась в дом, а только поставила караул: им желательно было поймать Альфреда Нагеля; сыщик отправился ко мне и говорит, что ему нужно того-то. Я отвечаю, что его нет; а он утверждает, что

видел его сидящим у меня в зале. У меня мелькнула мысль, что тут что-то неладно, и захлопнул дверь перед его носом, так как у меня сидел совсем другой человек. Теперь предстояла задача предупредить, чтоб он не являлся домой. Что делать? Самим итти никому нельзя. Попросили соседей. И вот старик шотландец с младшей дочерью, которая знала Нателя, отправились на вокзал ожидать его приезда. Дождались и предупредили и в то же время предложили спрятать все то, что у нас было. Сказано—сделано. Полиция пришла с обыском на другой день и ничего подозрительного не нашла. Нагель так и не был найден, хотя склад был найден. Замечательно: во всем этом провале не оказалось ни одного иностранца замешанным, а все англичане да шотландцы. Дело, конечно, разбиралось в суде, но судили не за то, что переправляли оружие, а за то, что держали взрывчатые вещества в помещениях без разрешения полиции. Провал этот разбирался в Ньюкестле на Тайне, в Эдинбурге, в Зундерланде, в Глазго, и всюду пришлось платить штраф и судебные расходы. Стоило это удовольствие латышской организации около 300 ф. стерлингов, при чем оружие было возвращено, а патроны нагружались на баржу и вывозились за три мили в море. Таким образом все дело было ликвидировано, а ваш покорный слуга поплатился английским подданством, которое было на мази.

Впоследствии мне сообщали, что провал и вся эта перевозка оружия были делом рук Азефа, и что он также был причиной гибели парусника, нагруженного оружием для России. Парусник был нагружен в Гуле, должен был направиться в Балтийские порты, но никак не мог улучить минуты для причала, так как все время видны были русские миноноски, которые не выпускали его из виду; парусник держал курс в финские шхеры, думая укрыться в них. Это оказалось неисполнимым, и потому ночью команда посадила парусник на камень. Парусник разбился, а команда чрез Швецию благополучно вернулась в Англию. Все это мне рассказывал капитан этого парусника Джон Траутман,—латыш, имевший диплом капитана; вся команда—его товарищи по партии. Только что описанный мною наш провал случился перед пятым с'ездом Р. С.-Д. Р. П.: с'езд, который нашумел на всю Европу, так как его выпроводили из Стокгольма, из Копенгагена и, наконец, он состоялся в Лондоне.

Английское правительство не отказалось его принять, так как это нарушило бы все английские традиции о терпимости и гостеприимстве. Но эта терпимость была обставлена всеми услугами, какие английская сыскная полиция могла дать русской полиции. Делегатов конгресса старались снять при каждом удобном случае. В иллюстрированных ежедневных газетах появлялись фотографии отдельных делегатов, имевших несчастие попасться под аппарат. Помню фотографию ткачихи из Иваново-Вознесенска, появившуюся в иллюстрированной газете потому, что она была обладательницей двух роскошных русых кос, доходивших до пят.

На этом с'езде я присутствовал в качестве гостя. Там я встретил двух знакомых для меня товарищей: Владимира Ильича Ульянова и Скляренко. По сравнению с тем, что я видел раньше, в Владимире Ильиче произошла небольшая перемена: он только стал более солидным, приобрел немножко весу и более проницательный взгляд. В перерыве я при обмене мыслей случайно высказался, что вот эта группа девиц, проходившая в то время мимо нас, все ткачихи. Он удивился. Я об'яснил, по чему я их определяю, и даже сказал, что могу сказать, что вот такой-то делегат—рабочий-металлист такого-то рода труда, слесарь или токарь. Тут ничего не было магического, а просто профессиональная уродливость: у слесаря, если он стоит непринужденно, правое плечо ниже левого, а у токаря—наоборот. Профессиональные физические уродства существуют во всякой профессии, а ткача и ткачиху можно узнать по лицу и его цвету, который я даже не берусь описать. Я прошел два раза деформацию.

Тов. Ульянов познакомил меня с некоторыми рабочими, говоря, что я им могу порассказать об английском рабочем движении. Но так как в то время борьба на с'езде с меньшевизмом была очень обостренная, то мое желание услужить русским рабочим рассказом об английском рабочем движении не удалось, так как все кидались на разные фракционные собрания. Мне не удалось побывать ни на одном из них, потому что не в состоянии был протолкаться, а схватывать отдельные слова было совсем не интересно. Не буду описывать, что было говорено на конгрессе, так как об этом имеются отчеты. Я больше проводил время со Скляренко-Поповым, с которым был знаком в Архангельске, в ссылке. Обсуждали с ним вопрос, как лучше вернуться обратно в Россию.

Помню, как один из делегатов развивал теорию о скорости наступления русской революции. Он говорил с такой уверенностью, что нужно для этого только три или четыре поколения рекрутского набора, т.-е. если каждое поколение солдат составляет три года, то, считая таким образом, русская революция должна наступить или в 1916 году или в 1919 году. Его предсказание оказалось не особенно далеко от действительности. Но никто из нас не ожидал, что в этот промежуток случится война. Даже без войны, мне кажется, что русская революция наступила бы в 1914 или 1915 году, так как русский пролетариат оправился от поражения в 1906 году, имея пред собой громадный опыт предательства русской буржуазии и русской интеллигенции.

Во время реакции, наступившей в России в 1906 и последующих годах, нам, т.-е. мне и моей супруге, пришлось принимать «лесных братьев» из Прибалтийских губерний. Наплыв был так велик, что иногда приходилось принимать по полдюжине «смертников». Некоторые из них оставались в Англии работать на английских судах; но большинство уезжало в Америку. Приходилось их пристраивать через разных бординг гауз киперов (содержателей морских домов), для чего—добывать морские матросские мешки, набивать их всякой дрянью, так как без этого ни один содержатель не брал их. Местом, куда можно было всегда определить на работу сколько-угодно человек, был цинковый завод. А некоторые потом пристраивались на шахтах. Все, приезжавшие к нам, пред'являли партийный паспорт, чтоб избежать провокации. Где все эти товарищи, которые прошли через наши руки, я сказать не могу; но знаю, что у меня получалось тяжелое впечатление. Они все были помешаны в то время на экспроприациях. Мне казалось, что наша партия идет в бездну. Но после пятого с'езда, где партия совершенно отказалась от каких-либо поблажек в этом отношении, атмосфера стала проясняться, экспроприаторство стало итти на убыль.

Но за то появилась другая опасность—ликвидаторство. О ликвидаторстве я лично знал по деятельности, которую проявляла Латышская соц.-демокр. партия по отношению к некоторым ее группам, существовавшим в Альбердине, Эдинбурге, Гартлетуле и в других местах, так как одно время к нам приезжал тов. Шмидт,

задачей которого была борьба с ликвидаторством. Подавление ликвидаторства в партии было так же необходимо, как и экспроприаторства.

После провала я решил переменить свое место жительства, чтобы опять подать об английском подданстве. Перебрался в буржуазное местечко в верстах 15 от Ньюкестля. Связей с партией Р. С.-Д. Р. П. я не терял и делал все, что мог для «смертников» и других русских партийных, приезжавших к нам с партийным паспортом. Сейчас должны проживать в России товарищи, которые нас очень хорошо помнят за этот период; большинство из них были члены Латышской с.-д. Чтоб не усложнять список товарищей — упомяну Якова Берзина, прибывшего к нам до войны и уехавшего в Америку до русской революции, как раз в то время, как шли переговоры русского правительства с английским, чтоб подданные этих государств привлекались к военной службе. Насколько я слышал, т. Берзин потом в 1917 году уехал в Россию чрез Владивосток и где-то застрял в Сибири; а некоторые говорили, что он даже был в Москве. Он был каторжанин, просидевший 4 года в Рижской каторжной тюрьме; по выходе уехал в Бельгию, а оттуда в Англию. Он одно время работал на судостроительной верфи и организовал моряков-латышей в портовом городе на Тайне. Где-то он находится теперь? Если прочтет эти строки, то пусть откликнется.

Во время нашего проживания в этом местечке, несколько транспортов «Правды», издававшейся в Вене т. Л. Троцким, прошло через наши руки. Но, конечно, этот период был периодом затишья нашей деятельности по сравнению с предыдущим. Нелегальная литература уже не издавалась так регулярно и в таком обилии, как до 1905 г. С наступлением войны, мы чувствовали себя оторванными от всего мира и настроение было очень скверное. Меня гоняли из одного завода в другой, откуда так же быстро выгоняли с полицией за то, что у меня была немецкая фамилия, хотя я был уже английским подданным в то время. Во многих случаях должен винить даже и не полицию, а приятелей,—английских трэд-юнионистов, которые открыто говорили одно, а действовали по другому. В конце концов, и этому удалось заткнуть рот. В самый разгар германофобства, после потопления немцами

«Лузитании», как раз я работал на машино-судостроительном заводе, где строился пароход «Колгуев» для Мурманского общества, где сейчас же сошелся с командой. Это успокоило умы рабочих, и я при чистке рабочими не был тронут; а другим старикам-немцам, работавшим на заводе,—некоторые даже больше двадцати лет,—пришлось бросить работу. Так требовали рабочие, шовинизм которых восхвалялся, как высшая доблесть патриотизма. Буржуазные газеты еще не так сильно кричали, так как они боялись, что если чересчур поджигать патриотизм, то это оружие может обратиться против них, так как многие из них были связаны узами родства. Но зато отличалась в этом отношении рабочая газета «Daily Citizen», которая прекратила свое существование в конце 1915 года.

В 1916 году на нашей судостроительной верфи были выстроены ледоколы «Илья Муромец», «Добрыня Никитич», «Козьма Минин», «Пожарский», а на больших верфях строились «Святогор» и «Александр Невский». Тут опять наша жизнь закипела. Нас разрывали на части. Команды этих судов то-и-дело приезжали, и приходилось знакомиться со все новыми лицами. После нескольких смен у нас получилось впечатление, что чем более позднего набора была команда, тем дальше она отходила от пролетарского происхождения, так как набор был все больше из лиц, скрывавшихся в тылу армии: всяких подонков всех слоев общества. С ними приходилось быть очень осторожным. Но светлым пятном среди этой мрази была команда «Святогора», который был окончен как раз к февральской революции. За этой командой очень ухаживали русские барыньки, жившие за границей: они дошли до того, что чуть не братались с ними, устраивали концерты для них, давали всякие подачки, говорили патриотические речи.

Долгое время администрация ледокола не об'являла им о русской революции, хотя они об этом слышали от англичан. Мы получали в это время ежедневную русскую революционную газету, издаваемую в Париже, которая зачитывалась этими матросами. Наконец, начальство решилось об'явить о правах и о русской революции. Матросы «Святогора» сейчас же осуществили все реформы и, когда я у них был на ледоколе, то в это время нельзя было сказать, куда девалась вся «военная дисциплина», практико-

вавшаяся на «Святогоре»; матросы исполняли свои обязанности, как обыкновенные смертные, вроде как на заводе, где козырять не было в обычае. У всех были сорваны все знаки отличия, кроме офицеров, которые не хотели подчиниться постановлению судового комитета.

Брожение среди матросов было настолько сильно, что администрация попросила прислать из России адмирала, который приехал в обыкновенной, почти штатской одежде и благополучно доставил ледокол до Архангельска, где, насколько я помню, вся администрация ледокола была отдана под суд. В это время мне приходилось им за целую неделю составлять бюллетени о событиях в России, собирая их из английских газет. Приходилось с ними много говорить: что такое большевики, меньшевики, максималисты, советы рабочих депутатов, диктатура пролетариата, о соглашателях, о войне, ее причине и чем хотят союзники купить их содействие к продолжению войны до конца.

Английскому же рабочему приходилось об'яснять и раз яснять ложь, которую старались взвалить на большевиков. Английская пресса так опытна в создании тумана в голове своего читателя-рабочего, что дело в России рабочие представляли таким образом: в 10 часов утра у власти советы или «требовали всю власть советам», в 12 часов у власти были большевики, их потом сменили максималисты; после нескольких часов власть перешла в руки рабочих и крестьянских депутатов, и т. д. После же октябрьской революции дело стало еще плоше: русские, а в особенности большевики, после заключения мира с Германией, были в их глазах предателями, трусами и т. д.

События не заставили себя долго ждать. Жизненный уровень рабочих понижался с вздорожанием цен на предметы первой необходимости. Пошли требования о повышении заработной платы. Появились стачки. Как до большевистской революции всех бастовавших рабочих клеймили немцофилами, то и тут был применен тот же метод борьбы. Но в первом случае подобные обвинения расстраивали ряды английских рабочих, а во втором—заставляли их задумываться. Буржуазия пересолила, так как всякий, желавший лучше жить, поменьше работать,—был об'явлен большевиком. Поэтому слово большевик вошло так в употребление, что

рабочие называли сами себя большевиками, когда хотели выразить, что они недовольны существующим порядком вещей. Буржуазная пресса, увидя свою ошибку, стала делать вылазки, чтобы очернить большевиков: выкапывали и фабриковали сказки, будто Ленин и Троцкий продались немцам и т. д.

В повороте идей среди английского пролетариата помогла много рабочая газета «Daily Herald». Газета издавалась еще до войны Джорджем Лансбюри; была в то время очень приличная, с социалистическим направлением и часто выступала против Рабочей Партии. Рабочая Партия задалась мыслью создать свою собственную ежедневную прессу. Основала акционерное общество, акции которого разбирались профсоюзами. Собрали капитал в 150.000 ф. ст., чтоб сразу встать на крупный издательский масштаб. Пригласили редактором этой газеты, ни больше ни меньше, как соредактора крупнейшей газеты желтой прессы «Daily Mail», газеты сенсационной. Редактор все свои привычки перенес в рабочую газету «Daily Citizen». Сначала она была еще терпима, так как не отказывалась признаваться, что она и социалистическая. Но потом, видя, что это не нравится вождям трэд-юнионистского движения, и что на этом далеко не уедешь, бросилась в сенсацию.

Приход не покрывал расходов, и газета опускалась все ниже, а во время войны даже перещеголяла желтую прессу и закрылась, ухлопав более 200.000 ф. стерлингов. С выходом «Daily Citizen» обращение «Daily Herald» сократилось, так как большинство читателей «Daily Herald» из лояльности стало покупать и читать «Daily Citizen». «Daily Herald» из ежедневной газеты перешла в еженедельную, и таким образом влачила свое существование до 1919 года.

В 1919 году она опять превратилась в ежедневную газету и сразу же взяла курс влево. Заговорила о большевизме и его значении, его завоеваниях в области труда. Появились статьи против английской и капиталистической интервенции вообще, специальные корреспонденции и все прочее. Газета стала появляться в уличной продаже, у газетных мальчишек; а это означает в Англии, что газета популярна. Тираж ее дошел до 350.000 экземпляров. Но это не покрывало расходов, так как буржуазия бойкотировала ее об'явлениями, которыми только и живут газеты.

Пришлось обратиться к фондам профсоюзов; но после авантюры с «Daily Citizen» фонды не так обильно притекали к казначею газеты. Поэтому, чтоб заручиться благоволением крупных вождей трэд-юнионистов, пришлось поступиться своей окраской «Daily Herald» стал праветь и, в конце концов, примкнул к 2½ Интернационалу. Это не отразилось на тираже, но пришлось цену газеты удвоить; но так как и другие газеты повысили цены, то на первое время это не очень отразилось на тираже; когда же другие газеты опять начали понижать цены, то, конечно, это повело к сокращению обращения. Кроме этого, еще и наступление промышленного кризиса имело свое влияние. В одном надо отдать должную честь «Daily Herald'у», что она всегда стояла и защищала интересы рабочего класса Англии.

Об отношении к большевистской революции и Советской власти, должен упомянуть еще две буржуазные газеты либерально-радикального направления—«Manchester Guardian» и «Daily News», которые почти благосклонно относились к ним, во всяком случае были против интервенции и за заключение мира с Россией. В особенности в этом отношении отличался «Манчестер Гардиан», который даже тайно посылал в Советскую Россию корреспондентов, которые, вернувшись обратно, благоприятно описывали положение в Советской России. Их статьи перепечатывались и распространялись «Peoples Russian Information Bureom»; образовался комитет «Прочь руки с России», где громко раздавался голос профессора Гуда, корреспондента «Манчестер Гардиана», капитана Малока, ораторов Британской Социалистической Партии, Соц. Раб. Партии. организации Независимой Рабочей Партии.

Все это вместе взятое, после заключения мира с немцами и интервентских неудач на Севере в России, в Сибири и на Юге создало такую атмосферу в Англии, что при опасности интервенции Англии в войну России с Польшей чуть ли не в 48 часов создался «Комитет действия», который выставил своим лозунгом противодействие войне, даже дойдя до об'явления всеобщей забастовки. Буржуазия испугалась и об'явила официально нейтралитет. Атмосфера в эти дни действительно была наэлектризована, и искра могла подпалить пороховой погреб. Но дело в том, что английская буржуазия была опытна в управлении народом и

знала—когда можно палку перегнуть в одну сторону и когда нельзя, когда можно благородно отретироваться, а когда дать и решительный бой или когда пойти на компромисс. В этот момент она уступила, так как видела, что в этом отношении палку перегибать не стоит.

С января 1920 г. Британская Социалистическая Партия сливалась с другими группами социалистического движения левого крыла, переименовалась в Коммунистическую партию Англии. Влилась новая струя, и партия стала расти. Буржуазия подняла вой в своей прессе. Частная собственность почувствовала, что надо ей делать все возможное, чтобы воспрепятствовать распространению коммунистических идей среди рабочего класса. Были пущены в ход тысячи ораторов; деньги сыпались направо и налево. Коммунистов и вообще социалистов поливали, как только могли; но толпа рабочих относилась к этому очень скептически. Мне самому приходилось быть свидетелем много раз, как рабочие не давали говорить таким ораторам; а если кто-либо из толпы сразу становился такому говоруну в оппозицию, то тут ему сейчас же приходилось закрывать лавочку. В общественных скверах доходило до того, что приходилось призывать к помощи полиции, чтобы защитить этих ораторов от ярости толпы. Иногда толпа, будучи шутливо настроена, принималась возить ораторов на их же собственной телеге по скверу довольно долго, а потом вывозила со сквера и оставляла на произвол судьбы. Таким настроением рабочих, конечно, пользовались и коммунисты и социалисты всех оттенков. Но беда в том, что у коммунистов не было достаточно агитаторов и денежных средств.

До 1920 года маевки удавались очень скверно. Массы рабочих не принимали почти никакого участия. Но 1 мая 1920 года рабочая масса всколыхнулась, и всюду 1 мая праздновалось с большим под'емом. Все профессиональные союзы приняли участие, шествуя со своими знаменами. Зрелище было очень внушительное. Каких только не было знамен, начиная с тяжелых шелковых, шитых чуть ли не золотом, и кончая простыми матерчатыми, принадлежавшими только что вновь возникшим союзам! Работа везде была остановлена. Замечательно, что правления многих старых и крупных союзов пошли навстречу массе рабочих и про-

сили, чтоб массы поддержали празднование 1 мая. Не обходилось без курьезов. На судостроительных верфях платили по субботам, а рабочие требовали платы в пятницу, так как 1 мая приходилось в субботу. Заводоуправление не хотело давать; тогда рабочие выстроились в хвост и поочередно заявили расчет; а это означало, что заводоуправление должно было выплатить им через 24 часа. Заявили расчет в четверг и деньги получили в пятницу. Такого рода вещи можно было проделывать на верфях, так как спрос на этот труд превышал предложение. И все рабочие, получившие расчет в пятницу, были приняты обратно на работу в понедельник.

Повышенное настроение масс продолжалось долго. На заводах уже громко поговаривали о необходимости итти сомкнутыми рядами на защиту собственных интересов. Вот такое-то настроение было очень благоприятно для моментального возникновения «Комитета действия». Все рабочие организации, представленные в советах труда, Рабочая Партия, Независимая Рабочая Партия, Коммунистическая партия посылали своих представителей в местный комитет действия. Если бы правительство не уступило, то что-нибудь могло случиться. Я умышленно сказал «могло», так как в Англии такого рода настроения нужно оценивать очень осторожно: там зависит все от последнего шахматного хода, выкинутого каким-либо ответственным секретарем крупного союза, вроде железнодорожного,—и все дело может пойти прахом.

Не буду описывать всех стачек, в которых мне приходилось принимать участие в Англии,—как вольно, так и невольно. Но должен сказать, что если члены союза вступают в стачку, то надо рассчитывать не менее, чем на трехмесячный срок, так как тут борьба идет о том, кто дольше выдержит. Я восемь месяцев участвовал в стачке металлистов и три недели в стачке углекопов осенью 1920 г. Последняя кончилась повидимому в пользу углекопов; но впоследствии оказалось, что против них, так как шахтовладельцы знали, что спрос на английский уголь скоро понизится, когда Германия начнет доставлять уголь Франции, Бельгии и Италии, да еще вдобавок прибавится конкуренция Америки.

Углекопы согласились на то, что с увеличением производительности повысится их заработная плата, и зажаривали во всю; их заработная плата повысилась. Значит, прекрасно—зажаривай

больше! Уголь складывался, где только возможно. Все вагоны были заняты под углем; все жел.-дор. запасные пути были заставлены вагонами. Одним словом, уголь был везде. Цена угля мелкому потребителю повышалась, потому что углекопы зарабатывали больше. Экспорт угля приостановился. Уголь некуда было больше ссыпать. Шахты стали работать с перебоями. Пошло сокращение рабочих в копях. В прессе подняли вой; чтоб избежать перепроизводства угля, надо понизить цену экспортируемого угля. Цены стали падать. Отсюда требование шахтовладельцев о понижении заработной платы. Углекопы противились. Пахло стачкой.

Рабочие все насторожились, чувствуя, что тут произойдет генеральное сражение профсоюзов с капиталистами. Был пущен в ход аппарат тройственного союза профсоюзов: углекопов, жел.-дорожников и транспортных рабочих. Многие другие союзы просили, чтоб их приняли в этот тройственный союз, например—Союзы почтовых рабочих, машиностроителей; другие союзы требовали, чтобы как только будет стачка углекопов,—правления их союзов автоматически вызвали своих членов на улицу. Переговоры затягивались.

Углекопы об'явили всеобщую забастовку. Стали стягивать и приготовлять войска; правительство организовало белую гвардию. Но замечательно, что в эту белогвардейщину не были приняты рабочие, многие из которых стремились туда, надеясь получить вооружение и в критический момент воспользоваться им и обратить его против своих врагов. Войска открыто заявляли, что если дойдет до столкновения, то они знают, куда направить дула ружей. Заводы, вследствие стачки углекопов, стали рассчитывать рабочих. Наступило сокращение поездов.

Жел.-дор. и транспортные рабочие ожидали приказа бросить работу. Был уже назначен срок; но правления откладывали, так как хотели использовать все пути к мирному улажению вопроса. Но в том-то и беда, что правления этих двух союзов чересчур связаны всякими нитями с правящим классом. Томас — секретарь ж.-дор.—был тайным советником и, благодаря своей клятве, должен был делать все возможное, чтобы предотвратить эту стачку. Ему очень усердно помогал Роберт Виллиямс, секре-

тарь Федерации транспортных рабочих, и его друг Бевани, адвокат докеров. Атмосфера сгущалась; у всех рабочих нервы были напряжены. Наконец, срок стачки об'явлен в 3 часа пополудни на другой день.

Но за это время углекопам поставили западню. Им предложили условия якобы благоприятные для них, но в сущности неприемлемые. Они отказались их принять, и в день, назначенный для стачки, стачка ж.-дор. и транспортных рабочих была об'явлена отмененной. Все чувствовали себя, как окаченные холодной водой. Конечно, посыпались протесты от рядовых рабочих; но брешь была пробита, и на всех напало уныние. Капиталисты ликовали. Рабочие же почувствовали, что с поражением углекопов и им всем предстоит подтянуть животы. Животы им пришлось подтянуть уже после моего от'езда из Англии в начале мая 1921 года.

Со времени английской интервенции на севере России, на Тайн стали ходить русские пароходы, полуледоколы и ледоколы. Я и моя супруга занялись тем, что заводили знакомство с командой и даже с администрацией пароходов, с целью пропаганды. Мое место работы было очень благоприятно для этого. В наших руках перебывало много людей и иногда на довольно долгий период, так как эти суда приходили на ремонт. Тут был «Дежнев», «Русанов», «Колгуев», «Князь Пожарский» и «Канада». Многие из товарищей на этих пароходах и ледоколах при эвакуации и бегстве белых из Архангельска сыграли довольно видную роль и по сие время некоторые из них занимают видную роль на дальнем севере.

У нас не было русской литературы, приходилось утощать их словесными переводами из английских источников. Собирали деньги, отправляли на поддержку Английской Коммунистической партии, на Социалистическую Рабочую Партию. Конечно, наша агитация не проходила без шероховатостей для команд. Но так как и администрация была не вся за интервенцию, то это сходило с рук. Когда отправились из Тайна последние ледоколы—«Канада», «Князь Пожарский» и «Дежнев»,—настроение даже у мелкой администрации было такого рода, что и при большевиках не может быть хуже. Приходилось слышать такое мнение от эвакуировавшихся вместе с англичанами русских. Даже многие из них поехали с этими ледоколами обратно в Архангельск, так как

им жизнь в Англии показалась так сладка, что они говорили: «Уж если помирать, то хоть умирать у себя дома». «Канада» и «Пожарский» были нагружены людьми, ехавшими обратно в Архангельск.

Сколько русских моряков было завербовано английским правительством для отправки в Россию на разные фронта, сказать не могу; но могу сказать, что матросы и пушкари, снятые с разоруженных русских пароходов, после перемирия англичан с немцами, были все направлены в Архангельск. Все это делалось под именем «Russian liberation Committee», председателем которого был Бьюкенен, бывший английский посол при старом русском режиме.

Кроме всяких социалистических организаций, в Англии также существуют беспартийные об'единения, как «Общество заводских старшин». Эта организация старается об'единить рабочих не по цеху, а по предприятиям. Их внутренняя структура такого рода: всякий союз, члены которого работают в предприятии, выбирает из своей среды одного или двух старшин, на обязанности которых лежит защищать интересы своих членов. Эти старшины официально ведут переговоры с заведующим мастерской и с заводоуправлением. Если конфликт не улажен, то старшины передают его в руки местного комитета своего союза, и тогда уже союз берется за переговоры сначала с заводоуправлением. Если не согласятся на условия, дело переходит на рассмотрение в местный комитет союза заводчиков, а потом в правление заводчиков. Там оно совместно с правлением союзов обсуждается. В конечном счете апеллируют к членам союза или союзов, которые голосованием решают принять условия или отвергнуть.

Эти заводские старшины во время войны вели все забастовки и потому пользовались громадным влиянием среди рабочих. Многие из старшин, конечно, были развитые рабочие, с вполне сознательным революционным мировоззрением. Некоторые из них за свою деятельность были высланы из пределов своей местности. Например, были высланы из Глазго десять заводских старшин. Во время войны с'езды и собрания старшин имели почти поддержку, хотя и молчаливую, со стороны правлений союзов, так как это снимало с них всю ответственность за стачку. А это, в свою очередь, не давало правительству права конфисковать фонды

союзов. И так—овцы целы и волки сыты. А так как война не допускала перерыва производства орудий истребления, то обыкновенно в неделю правительство договаривалось со старшинами чрез посредство правлений союзов и шло на уступки. Организации старшин возникали всюду; кое-где они утвердились, но в большинстве случаев зачахли, коль скоро правления союзов почувствовали, что их за руководство стачкой не посадят в тюрьму.

Это было уже после окончания войны. Наступило время переоценки многих союзов. Движение в пользу слияния в сильную организацию так назрело, что оно быстро пошло вперед. Недовольство передовых рабочих стало выливаться в создание неофициального движения среди членов союза. Такое движение существовало среди углекопов, металлистов и в других отраслях труда.

Официальным органом этого движения была еженедельная газета «Солидарность», а для шотландской части этого движения «Рабочий». Тираж их был не очень велик; но к концу 1920 и в начале 1921 г. г. они развили очень большую деятельность. Начато ими было движение в пользу присоединения к Красному Профинтерну. Устраивались областные конференции от представителей ячеек профсоюзов; издавались циркуляры, которые обсуждались на собраниях ячеек, на которых предложение участия в конференции обыкновенно принималось и делегат уполномачивался. Но это во всяком случае не обязывало членов союза принимать то или иное постановление конференции. Да это было и не важно, а важно было, чтоб бомбардировать правления союзов резолюциями о том, чтоб они приняли шаги к выступлению из Амстердамского об'единения профсоюзов и перешли бы или опросили своих членов, не желают ли они примкнуть к Красному Профинтерну.

Насколько обширно охватило это движение профсоюзы, я судить не мог, так как выехал из Англии. Все данные были за то, чтоб оно развилось, хотя уже была опасность, что оно на время будет задержано наступившим промышленным кризисом в Англии, и что английскому пролетариату придется напрячь все свои усилия, чтоб удержаться на ступени довоенного уровня жизни. При моем от'езде капитал одержал очень крупную победу, расстроив ряды трех сильнейших рабочих союзов. После этого наступил мо-

мент страшной суматохи,—где каждый союз старался спастись за свой собственный страх. За этими тремя союзами последовали и другие. Все должны были принять громадное сокращение заработной платы, которое в данный момент в некоторых отраслях промышленности дошло до 50% военного заработка. Больше всего пострадали углекопы, которых еженедельная заработная плата сократилась на 2 фунта стерлингов; за ними идут металлисты и т. д.

Наступила страшная безработица. Капиталисты открыли наступление по всему фронту, атакуя все учреждения, нормировавшие условия найма и заработную плату. Во время войны капиталисты хотя и были против правительственной централизации управления производством, но на деле они хорошо поняли, как важно действовать скопом. Они все отлично организовались, об'единившись в один громадный союз экспорта и импорта, в который входили не только торговые фирмы, но и промышленники и судовладельцы. Такому союзу капиталистов не трудно было вести атаку. А так как господствующий класс старается бремя своих убытков переложить на угнетенный класс — а при капитализме, значит, на рабочий класс,—то надо пустить на смарку все, что ограничивает эксплоатацию труда. И потому, вслед за понижением заработной платы, начались вылазки за удлинение рабочего дня с 47 часов в неделю до довоенной нормы в 53 часа и больше в неделю.

Пролетариат английский, видя такое положение, стал искать пути к сопротивлению. Денежных фондов не оказалось; а на-лицо страшная разладица среди трэд-юнионистов. Поэтому был брошен лозунг центрального совета профсоюзов, на обязанности которого должно быть координирование движения профессиональных союзов,—как наступательного, так и оборонительного. Наступательного—это в будущем, а в данный момент—оборонительного.

Вологодская Основной фонд Об. библиотеки

Истпарт.

Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической Партии (большевиков).

1. [redacted]. Основные моменты в развитии Коммунистическ партии в России.
2. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ (1911—1914 г.г.). Сборник I и II.
3. **П. Н. Лепешинский.** На повороте. Воспоминания (1890—1905 г.г.
4. **Д. Сверчков.** На заре революции. Воспоминания (1903—1905 г.г.
5. **Лелевич.** В дни Самарской учредилки.
6. **А. Рябинин.** Р. М. Семенчиков (из истории рабочего движени в Иваново-Вознесенске).
7. „Пролетарская Революция“. Журнал №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.
8. **„От группы Благоева к Союзу борьбы“** (1885—1894 г.г.). Сборник, ч. I.
9. **В. Невский.** Николаевский „Южно-русский рабочий союз“.
10. **Бобровская.** Записки рядового подпольщика (1894—1905 г.г.).
11. **Ольминский.** „Из прошлого“. Сборник статей.
12. **М. Павлович** (Вельтман). Россия и капиталистическая Франци
13. **М. Павлович** (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия.
14. Социал-демократические издания (указатель социал-демократической литературы на русском языке) 1883—1905 г.г., под ре. Л. Б. Каменева.
15. **А. Шляпников.** Канун 17-го года, ч. 2-я.
16. Памятник борцам пролетарской революции, в. I.
17. Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой Сборник воспоминаний.
18. **А. И. Шаповалов.** „По дороге к марксизму“ (Воспоминания рабочего-революционера, ч. I, до лета 1896 года).
19. Старый товарищ А. П. Скляренко. 1870—1916 г.г.
20. **Ф. Н. Самойлов.** Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении (1903—1905 г.г.).
21. **Бюллетень Истпарта № 1.**
22. **Александрова.** Артем (Биографический очерк).
23. **А. Фишер.** В России и в Англии.

Адр.: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., 8. Телеф. 1-94-87